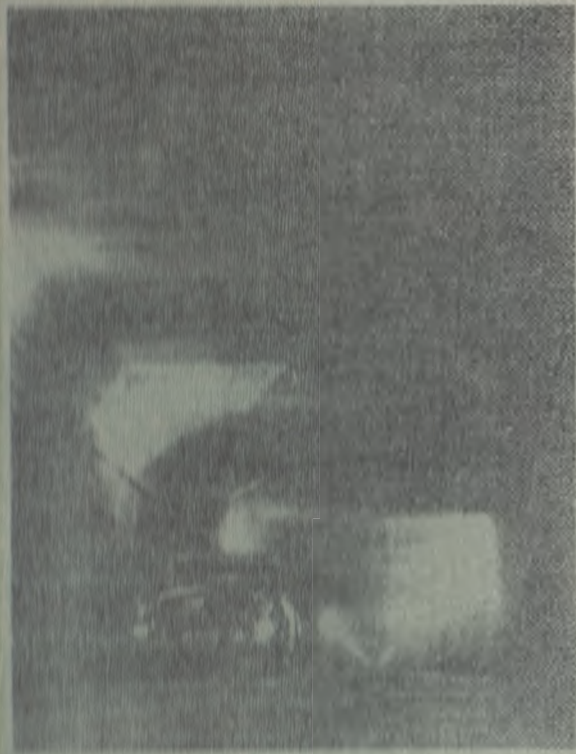

ЖИРГИЗСКОЕ ОЖЕРЕЛЬЕ

68.3(А),

К-43,

63,3(28)
К-43

КИРГИЗСКОЕ ОЖЕРЕЛЬЕ

47
К.Б.

ИЗДАТЕЛЬСТВО „КЫРГЫЗСТАН“ 1966

ИССЫК-КУЛЬСКАЯ ОБЛАСТНАЯ
БИБЛИОТЕКА им. В. И. ЛЕНИНА

№ 241658 V

**М. Джангазиев,
А. Дергачев**

Фото

Э. Вильчинского

**Редактор
В. Горячих**

■ **ФРУНЗЕ — ЗЕЛЕНЫЙ ЛИСТ.** Установлено, что на каждого жителя Фрунзе приходится около ста «зеленых» квадратных метров. Вы можете пойти на бульвар Дзержинского и подсчитать, сколько стройных зеленых шпалер выстроились там тополя, рагачи, дубы, березы, яблони... Их — четырнадцать. Пожалуй, редкий город нашей страны может соперничать с Фрунзе по этому показателю.

Сто тополиных, сто карагачевых ворот ведут в этот город, расположенный у самого подножия седого Ала-Тоо! Он стоит на высоте 750 метров над уровнем моря, на самой границе величайших гор и безбрежной степи.

Он очень молод, этот город-сад, город-сказка... Совсем недавно исполнилось сорок лет со дня переименования Пишпека в город Фрунзе.

...На одной из улиц города стоит небольшой домик, хорошо известный каждому жителю столицы — Дом-музей Михаила Васильевича Фрунзе. Сейчас его заключили под стекло, чтобы сохранить навечно.

В этом домике, саманном, крытом камышом, ничем не отличавшимся от мазанок Пишпека, провел детские годы будущий красный полководец. Его отец, Василий Михайлович Фрунзе, молдаванин по происхождению, работал фельдшером в пишпекской больнице. В один из приездов генерал-губернатора Степного края барона фон Таубе фельдшер Василий Фрунзе был «немедля» уволен за то, что «в больницу киргизов положил». Особенно черные дни наступили для семьи Фрунзе после того, как умер Василий Михайлович. Нетрудно себе представить, какое надо было иметь мужество матери, Мавре Ефимовне, оставшейся с пятью детьми.

...Нет нужды пересказывать биографию Михаила Васильевича — ее знает каждый. Хочется сказать, что город, в котором родился выдающийся революционер и государственный деятель, с честью носит его имя.

В связи с сорокалетием газеты писали, сравнивая Фрунзе 1926 года со столицей республики наших дней:

«К началу учебного года (1926/1927) в г. Фрунзе числилось 15 начальных школ, две семилетки, одна школа второй ступени. Всего в школах города обучается 3980 детей».

В нынешнем Фрунзе в 66 дневных и 20 вечерних школах учится около 70 тысяч человек. В тринадцати техникумах — более 16 тысяч учащихся, в шести вузах — около 25 тысяч студентов.

«Город Фрунзе располагает двумя Красными чайханами и публичной библиотекой, посещаемость которой достигает 50—60 человек в день».

Сейчас во Фрунзе около 400 библиотек. И это не все. В 1965 году жители города приобрели книг более чем на 2 млн. 800

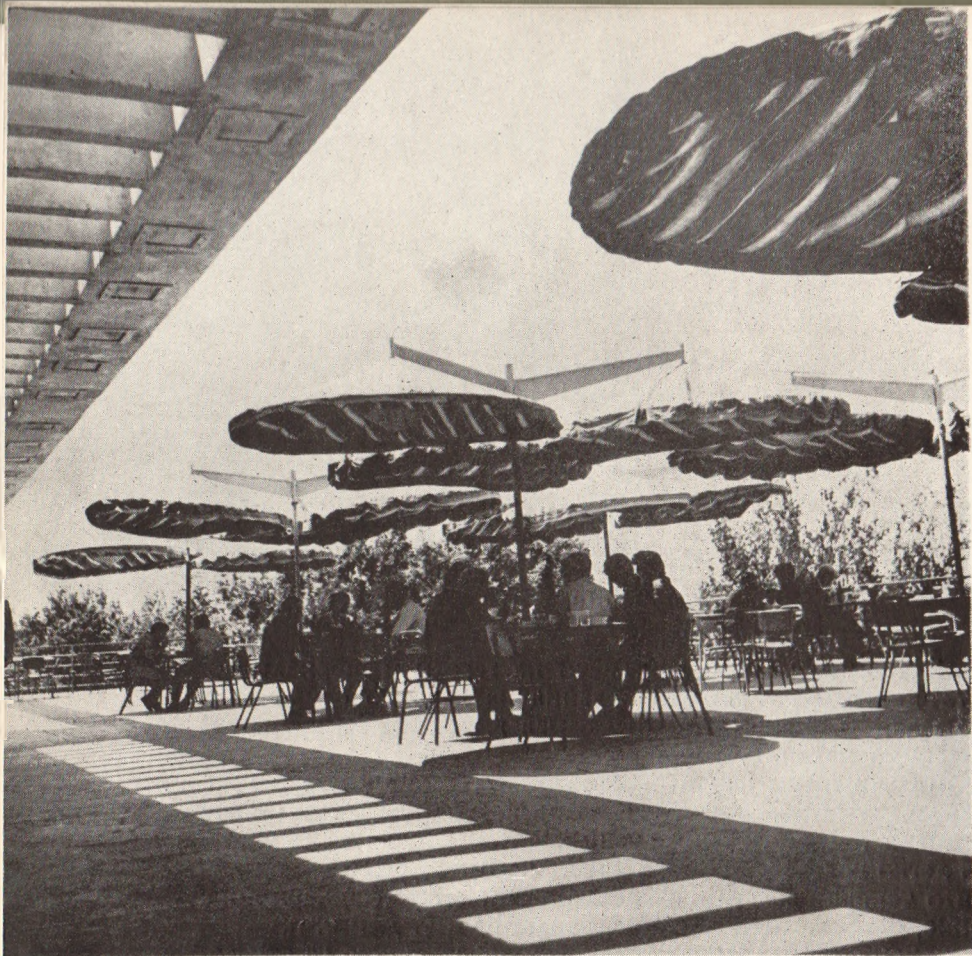
тыс. рублей. А общая сумма подписки на газеты и журналы составила 75100 рублей — два-три издания на каждую семью. Выражаясь языком «Союзпечати», это самая высокая насыщенность периодическими изданиями в мире.

Город стал крупным научным центром. Только в двадцати научно-исследовательских институтах Киргизской Академии наук работает более 700 киргизских ученых.

Очень легко составить список того, чего не было сорок лет назад и что теперь вошло в быт горожан: опера, филармония, телевидение, стадионы, троллейбус, авиапорт и т. д. и т. п.

И под конец, отдавая дань статистике, добавим, что за эти сорок лет население города увеличилось в 26 раз, достигнув почти 370 тысяч человек.

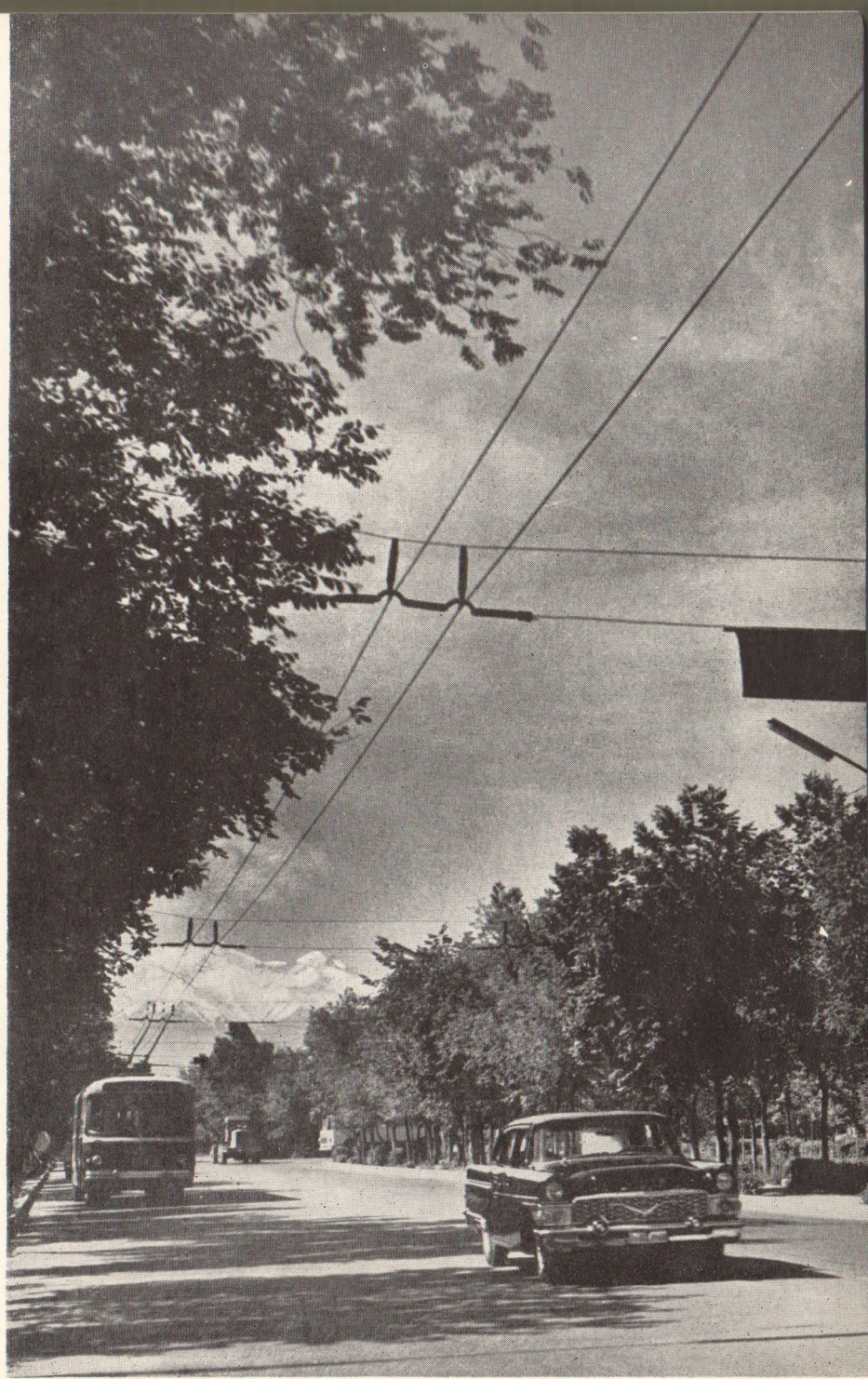
Фрунзе не только крупный культурный и научный центр, но и быстро растущий промышленный узел. Продукция его предприятий экспортируется в пятьдесят стран мира. Все больше становится известной и популярной марка «Сделано во Фрунзе». И не сало и кожи вывозит Фрунзе, а электронные приборы, сложнейшие станки, машины, лекарства, консервы, ткани, обувь, электромоторы, сборный железобетон — перечислить все просто нет места...

Что еще можно сказать об облике города?

Один советский писатель рассказал, что в начале века ребенком он жил в Париже. Через шестьдесят лет писатель вновь посетил город. И что же? Он без труда узнал улочку, где они жили, дом, парадное, лестницу... Даже привратница-консьержка сидела та же. За полвека ничего не изменилось.

Житель Фрунзе, вернувшийся в родной город даже не через шестьдесят, а, скажем, через два-три года, не узнает его, а то еще

чего доброго — заблудится, хотя это почти невозможно при строго прямоугольной планировке города. Ну, если не заблудится, то будет ходить и изумленно узнавать его — настолько стремительно и всеобъемлюще преобразается его облик. Нет улицы и переулка, где бы что-то не строили, не рыли, не укладывали асфальт, трубы, кабель...

Все дальше раздвигает город свои границы, растет ввысь: только за минувшую семилетку было построено более 630 тысяч квадратных метров жилой площади — это почти в полтора раза больше, чем выстроено за все время существования города.

Каждый город имеет свое лицо. Архитектурное. Но сейчас хочется повести разговор не об архитектурном облике столицы, а о другом лице, создать которое не под силу даже самым талантливым зодчим. Оно в биографиях людей.

...7 ноября 1924 г. вышел первый номер газеты «Эркин-Тоо» («Свободные горы»), в котором было напечатано стихотворение Аалы Токомбаева, посвященное Ленину. Это было первое печатное слово молодой киргизской литературы. Аалы Токомбаев стал Народным поэтом республики... С того времени вышло немало книг поэта — и прозаических, и стихотворных, многие из них, переведенные на другие языки, шагнули далеко за пределы республики.

Бибисара Бейшеналиева — талантливейшая прима-балерина Киргизии, Народная артистка Советского Союза, всемирно известный прозаик лауреат Ленинской премии Чингиз Айтматов, Народный артист СССР Муратбек Рыскулов, выступавший на подмостках Англии, член-корреспондент Академии медицинских наук Иса Ахунбаев и многие другие люди, без которых немислимо представить себе «лицо» Фрунзе, столицы государства киргизского народа.

Фрунзе! Если в летнюю пору посмотреть на него издали, то он покажется сплошным зеленым ковром, сотканным из тополей, карагачей, дубов, акаций, вязов... Мы не говорим об изумительных по красоте массивах Дубового парка, Карагачевой рощи, парка Панфилова, бульвара Дзержинского. Но деревья, буквально на каждой улице, сплошные аллеи, уходящие с севера к горам или с востока на запад, составляют неотъемлемую черту городского пейзажа, наиболее живописного весной и в начале лета. В это время особенно много солнца, перепадают дожди, тихий ве-

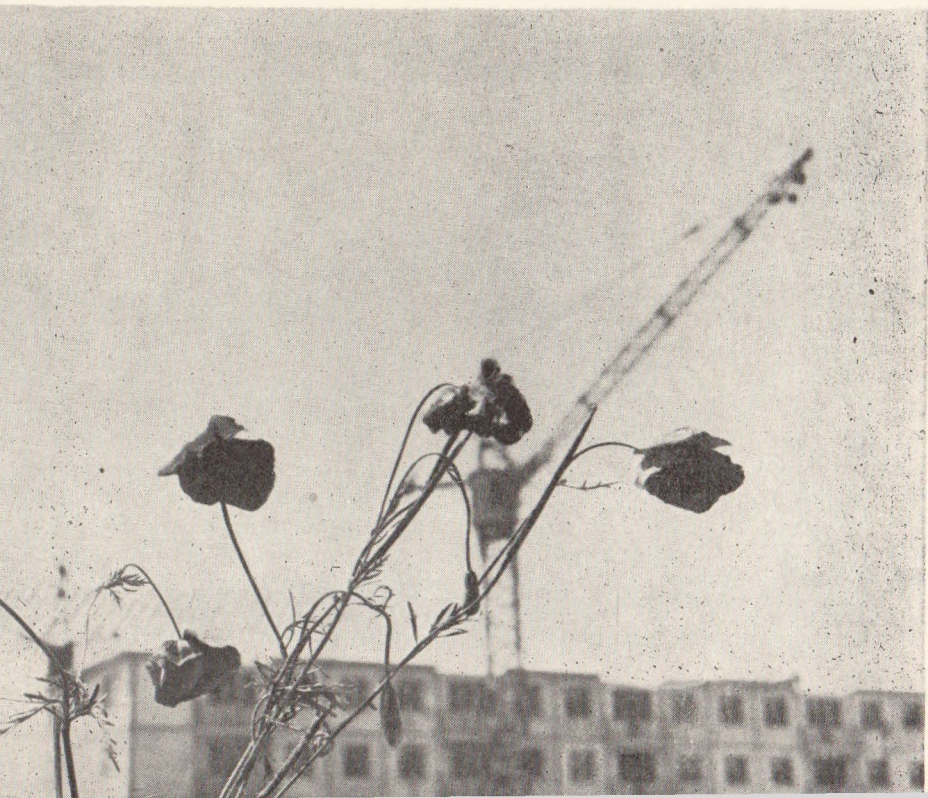
тер, постоянно дующий с гор, приносит прохладу. Кстати, хочется сказать об одной особенности: даже самые жаркие дни лета во Фрунзе не так томительны, как в других городах Средней Азии: близко подступающие к городу снежные хребты Киргизского Ала-Тоо умеряют зной, регулируют температуру воздуха...

А небо! Чистое по крайней мере триста дней в году, голубое с утра, темно-синее к полудню, усыпанное крупными, какими-то мохнатыми звездами в ночи...

Пожалуй, зеленый и синий и определяют цветовой облик города.

В переводе с молдавского слово «фрунзе» означает «зеленый лист». Какое точное совпадение!

Сто карагачевых, сто тополиных ворот ведут в тенистый город, расположенный у самого подножия седого Ала-Тоо. Войди в них и ты, читатель,— дорога в Киргизию начинается во Фрунзе...

■ **КИРГИЗСКИЙ РАПСОД.** Кто не знает манасчи Саякбая Каралаева — Гомера нашего времени, Народного артиста Киргизской ССР, кавалера трех орденов, автора десятков книг? Не считать написанных о нем повестей, поэм, рассказов, очерков, песен...

...Когда Саке рассказывает о подвигах Манаса, он вдохновенно порывается вперед, будто сидит на крылатом скакуне. Когда булава пролетает мимо цели — рушатся горы, когда попадает в цель — скакун по колени тонет в земле и богатырь падает без сознания... Голос сказителя то звучит победной трубой, то слышится в нем смех, то плач ребенка...

Однажды, когда Саякбай, сидя в юрте, рассказывал о приключениях сына Манаса — Семетей, не всем собравшимся был слышен голос сказителя. Тогда люди осторожно подняли и перенесли юрту в другое место и, столпившись около певца, слушали, не отрывая глаз..

...Нет киргиза, который бы не знал Саякбая. Своим талантом он известен не только в Советском Союзе, но и за его рубежами.

От Саякбая записаны крупнейшие части эпоса: «Манас», «Семетей» и «Сейтек». Но в памяти Саке хранятся и другие части великого повествования, посвященные сыну Сейтека — Кенен, сыновьям Кенен — Алымсарыку и Кулансарыку.

Саякбай Каралаев — это ходячий словарь киргизского языка, точнее — энциклопедия жизни киргизского народа. Он может подробно изложить историю киргизов начиная с X века, и его рассказ будет удивительно ярким и занимательным. Саякбай не только манасчи, сказитель эпоса, знающий около миллиона строк фольклора, Саякбай к тому же и поэт, один из старейших членов Союза писателей. Киргизский народ знает и любит десятки его собственных произведений.

Киргизское устное народное творчество и по форме и по содержанию удивительно богато и разнообразно. А Саякбай — чистый источник поэзии, вечно живой, юный, неиссякаемый...

■ **АВТОГРАФ КОСМОНАВТА.** Мне дорог этот фотоснимок. Развернутый том «Манаса» и с левой стороны — короткий автограф:

«Молодежь Киргизии! Наши отцы и матери делали это героическое прошлое. Пусть им не придется краснеть за своих сынов и дочерей!

Герман ТИТОВ
14. 9. 65 г.»

В сентябре 1965 года киргизский комсомол праздновал сорок лет со дня своего рождения... По улицам столицы Киргизии шла золотая осень. Красные, желтые, багряные листья стекали с деревьев, плыли в воздухе и мягко устилали свежевывмытые тротуары. Гостиницы города были переполнены молодежью, приехавшей со всех концов страны, повсюду звучала разноязыкая речь.

Приехал на празднование почетный гость — Герман Титов. Так уж получилось, что, участвуя в праздновании дня рождения киргизского комсомола, космонавт-2 отмечал и свой собственный — тридцатилетний — юбилей...

Торжественный пленум закончил работу, и гости разъехались по республике.

Германа Титова везде узнавали... При въезде в Боомское ущелье есть небольшой тополиный оазис Чолок. Здесь остановились передохнуть — всего на несколько минут. Никто не знал, что здесь будет проезжать, тем более останавливаться, космонавт, но, видимо, люди на расстоянии чувствуют дорогих гостей. Едва только машины остановились, к Герману Степановичу подошел пожилой человек с большим букетом свежесорванных цветов и полным ведром яблок.

— Примите, Герман Степанович! От всего сердца!

...У самого берега Иссык-Куля лежит село с поэтическим названием Долинка. Здесь, в клубе колхоза «Новый путь», была встреча с космонавтом. Ученица Долинской средней школы Надя Дудникова положила перед Титовым альбом и попросила расписаться.

— Мы хотим, чтобы о вашем приезде знали и те, кому сейчас исполнился всего один год...

...У самого Пржевальска к машине космонавта подъехал аксакал Савыр Мурзабаев, поливальщик из колхоза «Ульгу». Впереди

Подпись
 Киргизы! Наши
 свои и много досады
 это пережитое и романс
 красота не придем
 и потеря! за собой
 Юрман 14.9.62

ЭПИЗОДЫ
ИЗ КИРГИЗСКОГО
НАРОДНОГО ЭПОСА

ТАШКЕНТ
ИЗДАТЕЛЬСТВО «КИРГИЗЭД»

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1964

себя, на луке седла, он держал маленького внука. Савыр Мурзабаев почитительно попросил Титова:

— Пожми руку будущему мужчине, чтобы он стал таким орлом, как ты...

Запомнилась еще одна, правда, не совсем обычная, встреча... с Пржевальским.

...Заходящее солнце отбрасывало розовый отблеск на гранитный памятник великому путешественнику.

Только что Герман Титов опустил букет цветов на каменную плиту могилы Пржевальского. Директор музея Г. Битюков пояснил:

— Памятник сложен из глыб особо прочного гранита. На вершине — символ бесстрашия — орел, держащий в клюве оливковую ветвь — символ мира и славы. Орел приземлился на карту Центральной Азии. Общий вес памятника около 365 тонн. Это один из лучших в стране монументов, который может смело спорить по своим художественным достоинствам с всемирно известным памятником Петру Первому... Монумент обращен точно к югу — туда, где проходил последний путь Пржевальского. Надпись, как и просил в завещании Николай Михайлович, простая: «Путешественник Пржевальский».

Памятник и могила великого землепроходца, как видите, стоят на самом берегу озера Иссык-Куль, это тоже выполнено по его последней воле...

Герман Титов записал в книге посетителей:

«Спасибо киргизским друзьям за то, что они хранят и чтят память о великом путешественнике, замечательном человеке, первооткрывателе, ученом Николае Михайловиче Пржевальском. Летчик-космонавт СССР Г. Титов».

Если перелистать назад несколько страниц книги отзывов, то можно найти запись, оставленную космонавтом-1:

«С большим удовлетворением побывал и познакомился с Домом-музеем Николая Михайловича Пржевальского. Советский народ свято чтит память о славном, бесстрашном человеке, первом исследователе Центральной Азии. Гагарин, 26.8.64 г.»

И снова бежит, вьется дорога по берегу древнего озера, на высоте 1609 метров над уровнем моря, между мощными хребтами Кунгей и Терской Ала-Тоо. За окном машины проносятся поля, на которых убирают урожай. Удивительная, щедрая земля — с рудниками, заводами, шахтами, неохватными глазом полями, с тысячными отарами на вольготных пастбищах, с косяками чудесных чистокровных коней, земля, богатая памятниками культуры поэтической, запечатленной в океаноподобном «Манасе».

Я держу на коленях эту книгу, раскрываю ее и вижу самый дорогой автограф, оставленный космонавтом-2.

Да, молодежь Киргизии должна знать героическую историю своего народа, знать и приумножать ее.

24/8

■ **ПОВЕСТЬ О СТАРШЕМ БРАТЕ.** Арстаналы Осмонбеков — первый киргиз, награжденный орденом Красного Знамени. В удостоверение этого 4 марта 1926 г. была выдана Грамота за подписью заместителя Председателя Реввоенсовета Уншилихта:

«По уполномочию Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов Рабочих, Крестьянских, Казачьих и Красноармейских Депутатов Революционный Военный Совет Республики постановил: воина Рабоче-Крестьянской Армии работника Туркестанской добровольной милиции Арстаналы Осмонбекова за отличие в бою против врагов Социалистического Отечества на Туркестанском фронте наградить знаком ордена «Красное Знамя» — символом мировой социалистической революции.

Знак ордена «Красное Знамя» носится на груди.

В удостоверение изложенного выдана настоящая грамота.

4 марта 1926 г. г. Москва».

На всем его жизненном подвиге лежит отблеск красного знамени Революции.

...В 1916 году Арстаналы был мобилизован на тыловые работы. Вместе с другими ополченцами строил в Белоруссии железные дороги, рыл блиндажи, валил лес... Там его и застала Октябрьская революция. Арстаналы избирают в солдатский революционный комитет. Первое его поручение — вести агитационную работу среди солдат-мусульман... Потом ополченцев распустили по домам. Арстаналы оставили: «Ты человек грамотный (Осмонбеков закончил в Намангане так называемую туземную гимназию), тебе надо познать грамоту Революции, тогда ты дома нужнее будешь».

Весной 1918 года Арстаналы вернулся в Среднюю Азию, доехал до Намангана, дальше нельзя было — по всему Югу бушевал басмаческий пожар, разожженный иностранными интервентами. Он вступает в Красную Гвардию. По поручению уездно-городского ревкома Осмонбеков направляется на Юг Киргизии для пропагандистской работы.

Переодевшись в бедняцкую одежду, Арстаналы проникает через басмаческое кольцо вокруг Намангана и идет в родные места. Совсем недалеко от дома его перехватывает банда. Избили, отобрали лошадь, после этого приступили к допросу:

— Кто такой?

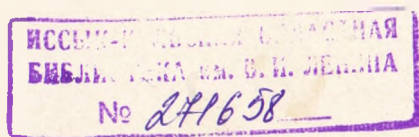
— Заготовщик ширката.

Тогда, действительно, ходили и ездили по аилам такого рода люди, обменивали спички, иголки, керосин и прочую мелочь на овчины, кожи, шерсть. Но басмачи настаивали:

— Ты, наверно, большевик?!

Но, не заметив ничего подозрительного, они отпустили Арстаналы... Наконец, он добрался до семьи. Немного поосмотревшись, начал вести порученную ему работу. В горах, в лесу собирал бедняков и рассказывал им о Ленине, о революции, о равноправии...

Вернувшись в Наманган, он начинает сколачивать боевой отряд из киргизской бедноты. И вот в 1920 году был создан отдель-

ный кавалерийский дивизион, впоследствии снискавший себе неувядаемую славу. Вместе с Арстаналы в дивизионе служили шесть его родных братьев. Жестокие бои кипели тогда на Юге Киргизии — басмачествовали самозванный хан Иргаш, колчаковский полковник Мадаминбек, уголовники Хал-Ходжа, Аман-Палван, Рахманкул и многие другие.

Дивизион Осмонбекова наводил ужас на басмачей. «Арстаналы идет!» — в панике кричали они, поспешно удирая. А он всегда появлялся неожиданно, тогда, когда его не ждали, и наносил молниеносный удар... Ураганную ярость атак и силу бешено сопротивляющегося противника можно представить себе хотя бы только по одному боевому донесению, написанному помощником командира дивизиона Коваевым. 25 июля 1922 г. в одном из боев с бандой Аман-Палвана в местности Джой-Баянд одних винтовочных патронов бойцами дивизиона было расстреляно более двенадцати тысяч!

После того как дивизион наголову разгромил басмачей в районе Кокандкишлака и Исбаскента (на территории нынешнего Ленинского района Киргизии и Андижанской области), приказом командующего Туркестанским фронтом М. В. Фрунзе бойцам и командирам была объявлена благодарность. А спустя три года десять лучших воинов (в том числе и командир дивизиона Арстаналы Осмонбеков) были награждены самой высокой наградой — орденом «Красное Знамя». Во втором номере первой киргизской газеты, вышедшей в ноябре 1924 года в Ташкенте, был помещен очерк о легендарном командире и помещен его портрет.

Да, они тогда были молоды, молоды юностью самой Революции, завоевания которой они отстаивали саблей и винтовкой...

Много лет пролетело с той легендарной поры, и очень мало осталось в живых тех, кто своими руками утверждал «Закон Октября». Об их делах скупым языком говорят пожелтевшие документы той поры. И по тому, как они написаны, чувствуется издалека пробивающийся запах пороха. Сухого пороха.

«УДОСТОВЕРЕНИЕ

Дано сие командиру Киркавдивизиона тов. Осмонбекову в том, что части его дивизиона в числе от 120 до 185 всадников, начиная с 1922 года по настоящее время, с небольшими перерывами находились в операции против шаек Рахманкула, Аман-Паллана, Дадабая и ныне Баястана, действующих во вверенном мне бойрайоне.

Отряды тов. Осмонбекова в боях проявили себя как достойные революционеры и сознательные бойцы Красной Армии, что подписями и приложением печати удостоверяется.

Начбойрайона, комполка (К о з л о в)
военком (Ч у д и н о в)
начштаба (У с п е н с к и й)».

А вот еще один документ, подтверждающий право ношения именного оружия:

«УДОСТОВЕРЕНИЕ

Предъявителю сего, председателю Кочевого районного исполкома Наманганского уезда Арстаналы Осмонбекову постановлением Президиума Наманганского Угорисполкома от 22-го сего года за № 4, п. 6 сделано представление Ферганскому Областному исполнительному комитету о награждении его имеющимся у него револьвером сист. «Маузер» за № 71675 с пятью патронами, выданным ему бывшим председателем Совнаркома Туркеспублики тов. Атабаевым, и трехлинейной драгунской винтовкой за № 93715 со 100 патронами за его отличную и деятельную службу по борьбе с басмачеством. А поэтому тов. Осмонбеков имеет право носить и иметь при себе револьвер системы «Маузер» за № 71672 с пятью патронами и 3-линейную винтовку со 100 патронами к ней, что подписями и приложением печати удостоверется».

В 1924 году в горных районах Киргизии было покончено с басмачеством. Бывшие бойцы дивизиона вложили шашки в ножны и занялись мирной жизнью. Но порох держали сухим. И не зря. В 1929 году кавалерийский отряд под командованием Арстаналы уничтожил недобитых басмачей, поднявших головы в пору коллективизации. Кровавым террором они пытались остановить зарождение колхозов в районе Ала-Буки, Каравана и Джанги-Джола Джалал-Абадского округа. В 1931 году шашка Арстаналы еще раз сверкнула перед глазами врагов. Его добровольческий отряд при содействии регулярных войск добил остатки банд в Кызыл-Джарской и Чаткальской долинах. С последними остатками басмачества на Юге Киргизии было покончено. На этот раз — окончательно.

...До последних дней своей жизни краснознаменец Арстаналы Осмонбеков был на посту — работал председателем колхоза имени Коммунизма Джанги-Джольского района. В 1941 году на защиту Родины старик Осмонбеков послал своих пятерых сыновей и младшего брата. Он умер в 1945 году, дождавшись победного салюта.

Хочется добавить всего несколько слов. Младший брат Арстаналы Осмонбекова — Юсуп Юсупович Осмонбеков, который прошел вместе со старшим братом огненные версты гражданской войны, — заканчивает работу над книгой о своем легендарном брате.

■ ДЕЛЕГАТКА ТЯНЬ-ШАНЯ. Эту женщину сейчас состарили годы. Иногда ее можно видеть в школах, куда пионеры приглашают ее как почетного гостя. Как почетного пионера. И вот здесь как-то особенно чувствуешь добрый смысл хорошей пионерской традиции — повязывать почетному гостю алый галстук... Я видел, как дрогнули губы Бюкеш Мунайтпасовой, как помолодело ее лицо, когда на него упал алый отблеск пионерского галстука.

Бюкеш Мунайтпасова — делегат VII съезда Советов, одна из первых киргизских женщин, приехавших в Москву для равноправного участия в работе законодательного органа страны. Ей посчастливилось встречаться с Крупской. Надежда Константиновна долго расспрашивала о жизни женщин далекого горного края... Возвращалась Бюкеш домой окрыленная, исполненная одним желанием — работать, работать...

Она активно участвовала в коллективизации, стала на Иссык-Куле одной из первых женщин-звеньевых. На своем участке Бюкеш получала небывалый до этого в долине урожай пшеницы. Хлеборобы Прииссыккулья, наверное, помнят, что семена, выращенные Бюкеш, считались лучшими, и ими сеют до сих пор.

Научившись грамоте, Бюкеш стала обучать женщин своего аила. Люди шли к ней за советом. Мужчины-активисты ворчали:

— Кто руководит колхозом — ты или мы?

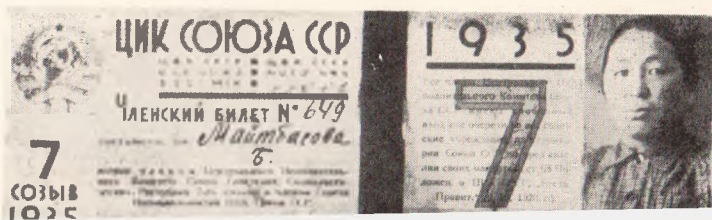
Она отвечала коротко, затаив смешинку в глазах:

— Если вы — отцы, то мы — матери...

После возвращения Бюкеш с VII съезда Советов колхозники избрали ее председателем. Она была одной из первых, если не первой женщиной — руководителем большого хозяйства.

Бюкеш избиралась делегатом и на VIII съезд Советов, была участником Всесоюзного съезда колхозников-ударников, членом Кирг. ЦИК, членом КирОбкома партии...

Сейчас Бюкеш-апе — за шестьдесят. Она живет неподалеку от Пржевальска, в селе с вечно юным именем — Пионер.

ТЫ ПОМНИШЬ, ТОВАРИЩ? Передо мной на столе лежат старые, пожелтевшие от времени листки с давними, протертыми сгибами. Реликвии.

«С П Р А В К А

Дана сия курсанту Ленинской школы т. Дженчураеву в том, что в день контрреволюционного выступления в сельсовете Наукеит Базар-Курганского района он, как курсант, был на высоте своего положения и благодаря его храбрости, выдержанности и также агитаторским способностям смог предотвратить убийство политуполномоченных и части актива от разъяренной толпы двух кишлаков...

Настоящая справка выдана на предмет предъявления Ленинской школе.

Пол/уполном. Наукатского с/совета Другой
Пред. райисполкома Успенский».

«Х А Р А К Т Е Р И С Т И К А»

Дженчураев Джаманкул, 1907 года рождения, бывшего Бураминского с/совета (ныне Калининского сельсовета) Чуйского района Фрунзенской области, в рядах членов ВЛКСМ (Российского Союза молодежи) с 1921 г. В 1922—1923 годах работал секретарем ячейки комсомола. Активно участвовал в комсомольской работе и являлся агитатором по проведению политики Коммунистической партии и Советского Правительства среди населения и молодежи.

Вел беспощадную борьбу с классовыми врагами — бай-манами и кулаками, в результате чего вызвал большую ненависть со стороны группы кулаков, которые в 1927 году организовали покушение на Дженчураева Д. Тяжело раненный, был спасен крестьянами.

Эти злодейские действия со стороны кулаков еще более усилили ненависть тов. Дженчураева Д. к классовым врагам.

Настоящая характеристика дана бывшим председателем волостного комитета Бураминской волости Асаном Талабаевым.

Бывший секретарь ячейки РКСМ Дунканаев Ибрагим».

«У Д О С Т О В Е Р Е Н И Е

Дано к-ру взвода 79 к/п Дженчураеву в том, что он принимал участие в конноспортивных состязаниях в августе 1930 года и занял второе место по конкур-иппик и награжден призом — серебр. портсигаром с изображением Наполеона.

Председатель конноспортивной комиссии бригады Семенов».

«Г Р А М О Т А

Приказом ОГПУ от июля 1933 года Дженчураев Д. награжден именным боевым оружием с надписью: «За беспощадную борьбу с контрреволюцией» и настоящей Грамотой.

Коллегия ОГПУ СССР
г. Москва, 6 июля 1933 г.»

...Борьба с басмачеством, служба на погранзаставах, Великая Отечественная война... Слушателям и курсантам военно-учебных заведений приводится как классический образец операции ночного налета на противника — «Разгром противника ночью ротой пограничников в Юшково».

Сейчас это разбирается как образец... А тогда, в первых числах декабря 1941 года, это было вопросом жизни или смерти. 1 декабря немцы прорвали нашу оборону на центральном участке Западного фронта и овладели Наро-Фоминском. До Москвы — суровой, напрягшейся до предела столицы Родины — считанные километры. Легли под танки герои-панфиловцы — враг споткнулся.

Но гитлеровцы рвались к Москве... Близ деревни Юшково стояли друг против друга полк немецкой пехоты и семьдесят пограничников под командованием капитана Дженчураева. Утром 3 декабря противник намечал на этом участке прорваться к Москве. Полк немцев, поддерживаемый танками и артиллерией, и горстка пограничников! Капитан Дженчураев решается на редкий по дерзости замысла шаг — напасть первым.

Разведка была проведена по-пограничному — тщательно и до мельчайших подробностей. Выручить может только внезапность и точность удара. И вот ранним декабрьским утром горстка пограничников при поддержке нескольких танков атаковала ничего не подозревавшего врага. Удар был настолько неожиданным и стремительным, что немцы даже не успели завести машины. Били в упор короткими очередями. Забрасывали гранатами. Давили танками. Час сорок минут длился этот бой. 150 гитлеровских солдат и офицеров было убито, 250 — ранено, уничтожено и захвачено 15 орудий и 10 танков. Немцы в панике бросились из Юшково на юг и юго-запад.

Это было 3 декабря 1941 года. Вскоре фашистов погнали от Москвы. И на юг, и на юго-запад, и по всем направлениям...

...Мы перевернули только несколько старых, тронутых временем листков и газетных вырезок. И уже сквозь них проглянули то по-своему трогательно-наивные, то суровые и строгие штрихи эпохи. Нелегкой и сложной, и в то же время обжигающе чистой и яркой, как ключевая вода.

Пожилой энергичный человек, удивительно молодо выглядящий для своих лет. Человек, сменивший штык на перо. Человек,

живущий сейчас бесконечно дорогими образами «вовек не утраченных дней», подернутыми дымкой времени. И где-то там, далеко, слышится призывный зов военной трубы, играющей тревогу, крупным планом вырастают и проходят перед глазами молодые лица боевых товарищей. Первая книга воспоминаний Джаманкула Дженчураева «По следам басмачей» выдержала два издания. Готовится к выходу в свет вторая — «Фронтные записки пограничника»...

Но не о литераторе Дженчураеве хочется повести речь, а продолжить наш рассказ о нем как о человеке редкой и в то же время характерной судьбы. И опять мы будем приводить только факты. Пусть на этот раз фактами будет рассказ о его детях, потому что дети — это то, что он оставит на земле людям, это его жизнь и продолжение жизни.

Старший сын Дамир родился в 1931 году, когда Джаманкул воевал с басмачами в песках Кара-Кумов. Отвез жену в роддом в Кызыл-Орде, а сам опять на коня. Шесть месяцев гонялся за басмачами. Вернулся, зашел в дом — сидит в подушках малыш. К биноклю потянулся ручонками, фуражку стащил — в звездочку пальчиками тычет. Смотрит на него отец и никак поверить не может, что сын у него родился. У жены спрашивает:

— Как назвала?

— Давай назовем Дамиром. Понимаешь — «Да здравствует мировая революция!».

Сейчас старший сын — опытный специалист, работает на заводе «Физприборы». Депутат Городского совета, заслуженный изобретатель Киргизской ССР, член президиума ВОИР.

Дочь Стакия, закончив Тимирязевскую академию, осталась в Москве в одном из научно-исследовательских институтов.

Сын Дельвес закончил Московский геологоразведочный институт им. С. Орджоникидзе, работает сейчас в Управлении геологии Киргизской ССР.

О старшей дочери Розалии Дженчураевой мы намеренно говорим в конце рассказа. Розалия — первая из киргизских девушек закончила Московский институт цветных металлов и золота им. М. Калинина и, первая из женщин Киргизии защитив диссертацию, получила ученую степень кандидата геологоминералогических наук. Защита диссертации проходила в Алма-Ате. Отец поехал «поболеть» за дочь. Потом был традиционный банкет. На

нем присутствовали крупнейшие ученые, геологи с мировыми именами. Попросили выступить отца. Он встал и вместо тоста рассказал историю об одном письме.

...Отец Джаманкула Дженчураева — Дженчоро Джайсанов — гонял скот из Токмака в Аулиэ-Ата (нынешний Джамбул). Однажды из Аулиэ-Ата на его имя пришло письмо. Вся семья удивилась тому, что есть какая-то бумага, через которую люди разговаривают друг с другом на таком расстоянии... Вертел, вертел отец письмо и плечами пожимал. А мать: «Чего ты его вниз головой держишь?» Обиделся отец, сел на коня и поехал в соседнее село Кара-Ой к мулле, единственному грамотному человеку. В Кара-Ой мурлы не оказалось — уехал в соседний аил... Приехал отец вечером сердитый и молчаливый. Только через три дня нашли грамотного человека, тот прочитал. Оказывается, писал отцу его друг из Аулиэ-Ата и написано-то было всего: «Салам-aley-кум! Приедешь или нет?»

Вот так впервые столкнулся восьмилетний Джаманкул с грамотой. Первая школа, которая открылась в 1919 году в Токмаке, была узбекская. И было там два класса: полпервого и первый

класс, одним словом, выпускались оттуда ученики с законченным одноклассным образованием...

...Тишина стояла в банкетном зале. А потом люди долго аплодировали отцу дочери, с блеском защитившей кандидатскую диссертацию, отцу, у которого все дети получили высшее образование.

Я смотрю на пожелтевшие листки-реликвии и думаю о том, что почаще надо в них заглядывать — для того, чтоб по-настоящему оценить и понять наш сегодняшний быстротекущий день...

МАЛЕНЬКИЙ ГЕРОЙ НАШЕГО ВЕКА. Многие знают о пионере Павлике Морозове. Киргизские ребята гордятся тем, что у Павлика есть брат — Кычан Джакыпов, который повторил подвиг русского пионера. Они были ровесниками — Кычан и Павлик — и примерно в одно и то же время погибли от руки озверевших кулаков...

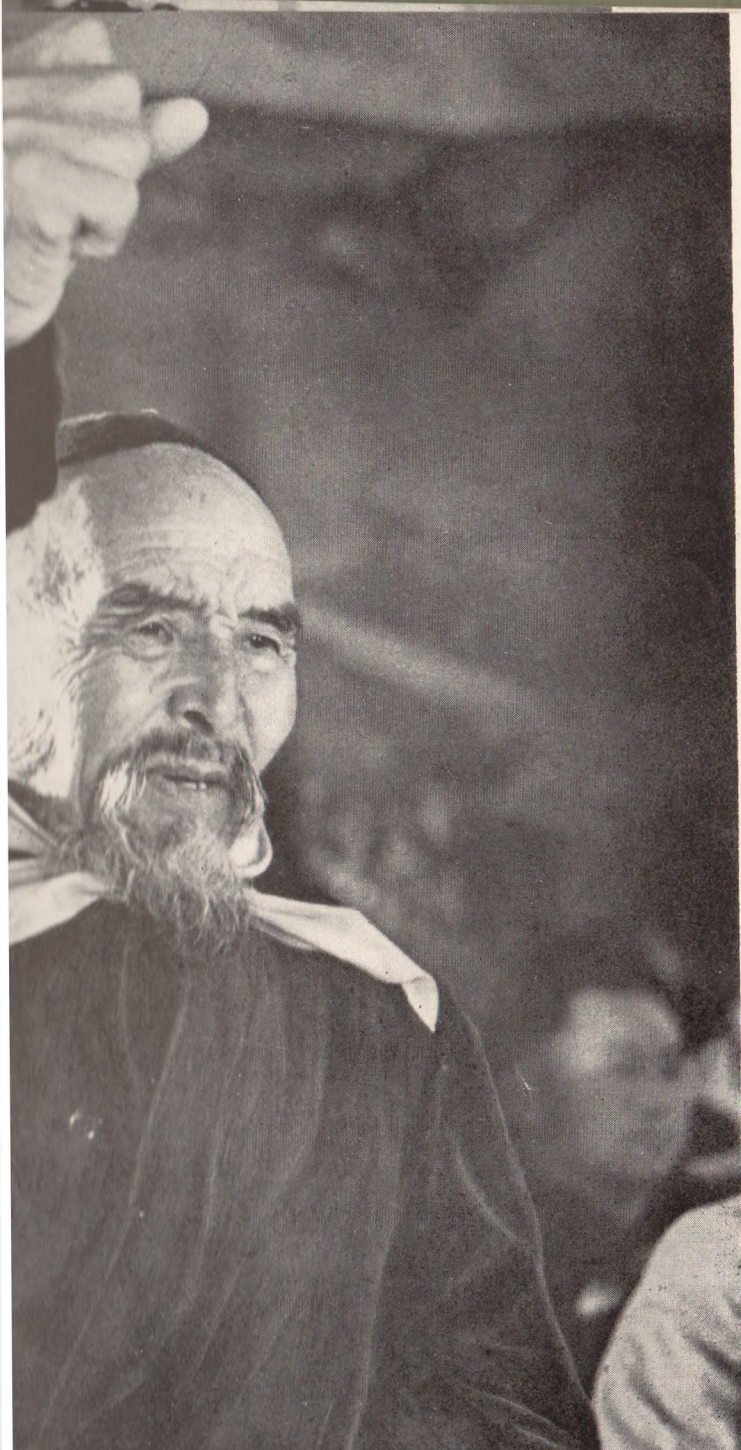
Сейчас, когда со времени подвига киргизского пионера прошло более тридцати лет, особенно ценны и дороги воспоминания людей, которые были очевидцами его геройской смерти.

...Хочется рассказать об одном пионерском сборе, который состоялся в прошлом году. Было много народа. Красногалстучные пионеры, гости из разных школ, детские писатели. Были и одноклассники Кычана, его младший брат Монолдор, аксакал Акмат, который задержал убийцу пионера. Ученики из Кара-Балтинской школы привезли подарок — бюст маленького героя. Начался торжественный сбор, посвященный 30-летию со дня подвига Кычана.

Первое слово предоставили 84-летнему аксакалу Акмату. И, конечно же, каждое слово старца воспринималось с большим вниманием. Ребята, замерев, слушали, как это было.

Кычан жил по соседству с Акматом. Он часто бывал у Акмата-аке в гостях, читал ему газеты и эпос «Курманбек», «Джаныш-Байыш». Аксакал частенько бывал на родительских собраниях в той школе, где учился его маленький сосед. Помнит, что учителя хвалили Кычана за добросовестность и за хорошую успеваемость. Знал Акмат-аке и то, что Кычана люто ненавидели кулаки потому, что он вместе с ребятами из пионерского отряда разоблачил тех, кто поджиг колхозное зерно.

Хорошим парнишкой рос Кычан, добрый джигит из него бы получился. Летом колхоз доверил ему пасти стадо коров, выделил мальчику лошадь. Кычан угонял стадо далеко, к самым горам, — там травы были гуще, он старался оправдать доверие, которое оказал ему колхоз. Акмат-аке беспокоился, как бы не подстерегли мальчика его недруги и не свели с ним счеты, уж больно насолил им Кычан. И забыть этого они, конечно, не могли.

Не зря опасался Акмат-аке. Однажды встретил Кычана кулак Джумалы и попытался отнять коня. Мальчик не испугался угроз и силы.

— Не дам! Это колхозная лошадь!

— Ну, погоди!

Рассвирепевший Джумалы погнался за пионером, но так и не сумел стащить мальчика с коня. Кычан вырвался и ускорился.

Шли дни. И вот где-то в конце августа Джумалы свел-таки счеты с пионером. Он долго выслеживал Кычана. Незаметно подкравшись из-за кустов, Джумалы смертельно ранил его ножом в сердце...

В это время Акмат-аке возвращался с поля. Еще издали он заметил Джумалы, но не успел схватить бандита за руку, только догнал убегающего Джумалы и связал его.

Потом был суд над убийцей. Это был суд не только над Джумалы, но и над другими кулаками. Это было одновременно и начало бессмертия подвига пионера, смело и открыто вставшего на борьбу с врагами советской власти... Теплыми объятиями, как родная мать, встречала Кычана новая жизнь. Он радовался ей, он трубил о ее приходе своим пионерским горном. Он пролил за нее свою алую кровь.

...С тех пор прошло более тридцати лет. Состарился Акмат-аке, выросли и давно стали мужчинами ровесники Кычана. Но образ пионера жив и сегодня. Этот мальчик с пионерским галстуком на груди имел такое мужество, какого не встретишь порой и у взрослых мужчин.

Многие школы республики, Дворец пионеров столицы Киргизии, десятки пионерских отрядов носят имя Кычана. Пионерские отряды имени Кычана Джакыпова можно встретить и во многих других городах нашей страны. О нем написаны повести, поэмы, песни — это вполне закономерно, потому что он является маленьким героем нашего века.

■ **ОСЕДЛАННЫЙ НАРЫН. Архаровцы.** Кара-Куль — кипящая кастрюлька без крышки. Жара — сорок в тени, асфальт плавится, скалы накаляются так, что прикоснись к ним голой рукой — волдырь вскочит. А вообще-то Кара-Куль скорее похож на гигантскую каменную пригоршню, на дне которой — трехгодовалый поселок, а чуть дальше, в теснине ущелья, — створ, где готовятся перекрыть узкий и стремительный Нарын высокой плотиной.

И все-таки здесь дышится легко, свободно. Все дело в своеобразном «микроклимате», который образовался на этой большой стройке. Парни здесь крупные, мускулистые. У них во всем — святая прямизна отношений и меньше всего угодничества, ханжества и злобной спеси. Молчуны, слова лишнего из них не выжмешь.

...Два начальника — начальник участка Бушман и начальник управления механизированных работ Хуриев, обвязавшись веревками, поднялись на отметку «1300» — одну из точек скалы, что стоит как раз на оси будущей плотины. Цель альпинистского восхождения — присмотреть дорогу к левому берегу, по которой можно было бы подавать бетон к плотине.

Глянули — массив раздробленный, а это крайне опасно для ведения работ вниз.

Собрал Бушман «мозговой центр» участка: думайте! Через два дня — за круглый стол. Ходили ребята и тихо вынашивали идею. Собрались. Стали по очереди выкладывать. В шуме, гаме, в ядовитых насмешках откопали «зерно». Отдали его в технический отдел — рассчитывать. Там рассчитали — можно! Так зародилась традиция «дней рождения идеи».

Как наводили переправу, а самое главное — как переправили «Восток-1» — бульдозер Рашита Бекирова — это уже история. Только помнят ребята, что на другой день у них предательски подрагивали поджилки.

Но это были еще цветики.

Бульдозеристы закрепились на левом берегу. Надо брать отметку «1300». Облетел ее Бушман на вертолете, еще раз внимательно осмотрел сверху. Не удержался, попросил летчика: «Может, сделаем посадку?» Тот усмехнулся: «А площадочку десять на десять не изволите?» «Будет». «Годика этак через три?» Бушман молча проглотил пилюлю.

...Бульдозер должен стать кошкой, тигром, чтобы до наступления холодов вскарабкаться, пробить тропу на «1300». Хорошо, что Бушман в свое время обучал людей альпинизму. Специально ездил во Фрунзе за инструктором Володей Аксеновым, мастером спорта. Монтажники, слесари, плотники, мотористы, телефонистки и бульдозеристы прошли обязательную программу альпинистских премудростей, стали скалолазами.

Головную машину вел Эбазир Караев, легендарный бульдозерист, по тропе которого проложена сейчас правобережная дорога на створ. Рядом с машиной шел Беник Маалаян. Он поднимался на верхнюю отметку своего прорабства левого берега. Карбалкалась машина, делала петли, зигзаги. Эбазир — за рычагами, его сменщик Ришат Бекиров сбоку, на крыле, почти уже над пропастью: следит за откосом. Склон неоднородный, вкраплены

валуны, наползет на валун гусеница — и машину начнет заносить. Стоп! Ребята выбирают руками скальную крошку прямо из-под гусениц — взрывом тут не возьмешь... Пробуксует гусеница, разметет верхний слой валуна — снова тянутся под нее руки, выбирают «крупку». Идет бульдозер, а за ним десять ребят, как грачи...

Миллиметр за миллиметром, сантиметр за сантиметром, почти на руках поднимали машину. Когда скальная полка становилась узкой, ее расширяли: клали срубленную арку и сверху засыпали щебнем. Снова отвоевывали сантиметры. Вышли прямо к скалам. Осталось совсем немного, но это «немного» — самый крутой подъем, и полка узкая: всего три метра, а гусеницы захватывают три двадцать. Нельзя ни влево, ни вправо, только прямо: двадцать сантиметров левой гусеницы — над откосом, правая скребет скалу. Ребята вымотались, то и дело садятся отдохнуть: воздух разряженный — высота.

Беник подходит к Лене Краузу:

— Ты сядешь в машину.

— Я же не сумею...

— Сумеешь! Я пойду сзади.

Ленька впился в рычаги. Ленька нервы наматал на пальцы: только по прямой и ни чуть-чуть в сторону — двадцать сантиметров гусеницы идет над откосом, а рычаги бульдозера — не руль «Запорожца». Только вперед, ни на секунду нельзя останавливаться: из-под гусениц плывет насыпь. Остановишься — потащит машину назад. А назад нельзя: сзади, прямо по кромке откоса, идет Беник и чуть похлопывает по гусенице: «Спокойно, Лень, спокойно...»

Успели пробить тропу до холодов. Не за три года — за три месяца. У самой отметки «1300» натолкнулись на лежбище диких баранов. Удобная такая, комфортабельная полочка, прямо в скале, под навесиком. Потом уже осенью, когда по пробитой тропе дорогу делали, ребята от дождя там прятались, у костра сушились. Правда, сперва навоз оттуда выбросили — чуть ли не окаменевший — видно, тысячу лет здесь архары жили.

В связи с этим на участке стала выходить газета «Архаровцы». Над тремя ее колонками — постоянные заголовки: «Век XX», «Строим ХХII», «Не смешно». Редактор — Ленька Ивченков, механик и комсорг участка.

„Высокочитимый ... Кайрат Умралин“ Вагончик участка освоения склонов — обычный, стационарный, из тех, что перетаскивают трактором. Одна особенность: со стороны реки он прикрыт бревнами в два наката — защита от осколков во время взрывов. Кайрат стоит у стола. Смотрит в чертежи, приколотые булавками. Кайрат скрылся в чертежах — виден только поросячий хвостик берета, съехавшего на затылок. Входит Ленка Ивченков в брезентовой штормовке. Ленке позарез нужна лебедка, чтобы перебросить лес.

— Кайрат, дай лес перебросить! — начинает он клянить.

Молчание. Потом задумчивый голос от чертежей:

— А ты мне дашь ту лебедку?

— Какую «ту»? — хитрит Леня.

Кайрат выныривает из чертежей. Лицо печально, голос безнадёжный:

— Ту лебедку, которую...

И умолкает на полуслове. Такой лебедки у Леши нет, и Кайрат это точно знает. И вообще нет такой лебедки, которая позарез нужна Кайрату... Ленка отворачивается и тоже молчит, он понимает, что Кайрат сейчас невменяем: завтра «день рождения идей». Завтра надо выдать идею: как перебросить кабели ЛЭП по верхним отметкам левого берега. Та, что идет по правому берегу вдоль дороги, часто выходит из строя, — как взрыв, так ЧП на линии: то перебьют, то замкнут, тогда сразу умолкает вся стройка.

Чтобы тянуть ЛЭП, надо иметь подъезды для тракторов — затащить лебедки, поставить опоры. А какие «подъезды» по левому берегу, если туда можно забраться только скалолазам и то налегке?

* * *

...Кайрат сидит на полу, читает письмо и тихо удивляется. Во-первых, потому что ему пишет совершенно незнакомый человек из Ташкента. Во-вторых, письмо начинается непривычно витиевато, прямо-таки в стиле Хаттабыча: «Высокочитимый и дорогой товарищ Кайрат Умралин...» Одним словом, пишет ему специалист, уже сорок лет работающий «в области высокогорных линий высокого и сверхвысокого напряжения». Просит поделить-

ся ценным опытом, выслать схемы, расчеты и фотографии той ЛЭП, которую перебростил Кайрат соответственно своей «идее», затвержденной на «дне рождения».

Что ответить этому человеку? Как родилась идея сборных металлических опор из метровых отрезков труб, то есть таких, какие сможет по одной затащить верхолаз? Как крепили опоры? Для этого надо иметь опыт альпиниста, чтоб использовать здесь шлямбур и шлямбурные крючья. А разве расскажешь о том, как ставили эти опоры ребята из бригады Лени Коренкина? Где найдешь таких специалистов, без которых всякая идея — не идея? Февраль и март 1964 года — два холодных, выюжных месяца. Тогда не так-то просто было подняться на «Верхние отметки» даже альпинистам-разрядникам, даже со специальным снаряжением и налегке. А ребята еще и работали, трубы на себе поднимали, бурили, крепили... За два месяца протянули ЛЭП длиной в два километра шестьсот метров... Впервые это в практике или нет, об этом никто не думал. Надо было. Для этого, конечно, пришлось сперва «немножко подумать», а потом «немножко поработать».

...«Высокохотимый и дорогой товарищ Кайрат Умралин» сидит на полу в большой растерянности — как ответить этому человеку одними схемами, расчетами и фотоснимками?

„Стройка — не музей, а работа“. В ту ночь на правом берегу горели костры. В десяти метрах от них бесился Нарын, зажатый в узком проране. Четырехкубовый экскаватор, приседая на своих узких гусеницах, деловито прогрызал отводное русло. Завтра, когда в проран обрушатся тысячи тонн рваного камня и специально изготовленных бетонных блоков, уровень реки поднимется и вода хлынет по этому руслу через входной портал в тоннель.

Эта ночь — ночь подготовки штурма... Застыли на своей стартовой площадке шеренги тяжело нагруженных 25-тонных самосвалов. Они стоят, держа равнение на 65-тонный «БелАЗ», прибывший сюда на испытания. Это хозяйство Василия Игнатьевича Чухрая, или попросту дяди Васи. Дядя Вася — огромный, взъерошенный — обходит свое слоновье войско, стучит носком сапога по двухметровым баллонам, курит и тяжело вздыхает:

— Как бы завтра ЧП не вышло...

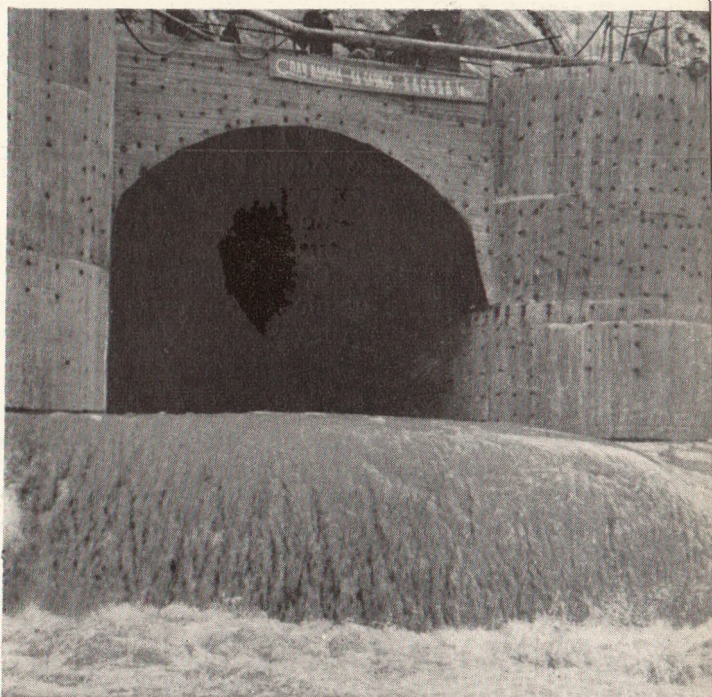
...Всю ночь горят костры. Возле них греются «аварийные» рабочие, бульдозеристы, экскаваторщики. А у самой кромки прорана — цепочка людей в ватниках, в штормовках, белых прорабских полушубках, — стоят, смотрят, как в сузившемся каменном ложе перетирает Нарын густо идущую шугу.

Они три года ждали этого дня.

И он, наконец, наступил. Шестого января 1966 года в девять часов утра из-за поворота показалась стальная колонна большегрузных самосвалов. На головной машине — переходящее Красное знамя ЦК ЛКСМ Киргизии, навечно переданное строителям Токтогульской ГЭС. Машину вели Борис Амиров и его сменщик Станислав Родюков — лучший комсомольско-молодежный экипаж, которому всей стройкой было доверено почетное право «первого камня»...

И пошло-поехало! На реку обрушился массивный удар: в каждую минуту — 25—20 тонн...

Ковш экскаватора осторожно разрывает мягкую перемычку, пропуская воду в вырытое за ночь русло. Минута... Вторая... И

Нарын устремляется в отводной тоннель, река начинает распадаться на два рукава, ее сила ослаблена. Звучит усиленная микрофоном команда начальника стройки З. А. Серого:

— Приступить к интенсивному перекрытию!

...Время отсчитывает часы напряженного штурма. И вот Нарын последний раз ударился о выросшую каменную стенку и теперь уже всеми своими кубометрами загудел в отводном тоннеле.

Нарын на первый взгляд до обидного «несолидная» река. И поэтому как-то не сразу понимаешь, почему шесть тысяч строителей целых три года готовились к перекрытию? Но несколько недель я видел, как мастер спорта по альпинизму прораб участка освоения склонов Владимир Аксенов вместе со своими скалолазами измерял глубину и скорость реки в проране.

Замерили: скорость примерно шестьдесят километров в час, глубина — около двенадцати метров! Местами узкий и стремительный Нарын несет двадцати-тридцатиметровый столб воды. Только сейчас понимаешь, что стоили строителям эти годы подготовки к перекрытию бешеной реки, сжатой с обеих сторон отвесными скалами, доступными лишь альпинистам-разведчикам.

Нарын ушел под землю. Со скоростью автомашины несется его ледяная лавина по «кара-кульскому метро». Это — завершающий аккорд трехлетних подготовительных работ.

А потом — укладка бетона в тело 200-метровой плотины, которая создаст море в 19 миллиардов кубометров воды, и турбины которой дадут 1 миллион 200 тысяч киловатт.

...Как-то Леня Ивченков, поэтическая душа, комсорг участка освоения склонов, сказал фразу, ставшую потом крылатой: «Стройка — не музей, а работа». Ее мне слово в слово повторил и Мирза Капаров, секретарь комсомольского комитета Токтогульской ГЭС. Лозунг этот Леня Ивченков расшифровал в статье, которую написал для участковой стенгазеты: «Мы переделываем себя, мы переделываем людей. Революция продолжается».

■ ПАРЕНЬ С ПАМИРА. Живет он на Памире. Пасет яков — полудиких быков с густой шерстью и длинными плоскими рогами. Познакомился я с ним недавно, на съезде комсомола во Фрунзе. Чувствовал он себя в непривычной для него обстановке

Саид, не торопясь, подумал, а потом очень серьезно ответил:
— Я им расскажу о своих яках...

И тут я понял, что обязательно поеду к Саиду на Памир. Сперва я еще не мог сказать, что именно привлекло меня в этом уравновешенном и на редкость обычном парне. Может быть, как раз эта обычность?

Добраться к Саиду не так-то просто. И тут, пожалуй, только впервые начинаешь понимать, почему Памиро-Алай залит на физической карте темно-коричневой краской. Дорога одна-единственная — Памирский тракт. Когда едешь по ней, почему-то в голове назойливо, как на испорченной грампластинке, прокручиваются одни и те же слова песни — «резкий поворот и ко-сог-о-р», и, естественно, — «чтобы не пришлось любимой плакать, крепче за баранку держись...» и т. д. Но в конце концов добрались мы сравнительно благополучно.

Небольшое горное селеньице Мурдаш, в котором живет Саид Кошбаев, прочно обосновалось на самом берегу валунистой реки. Вода в ней студена даже летом (до ледника — рукой подать), течение стремительное (уклон каменистого русла заметен даже на глаз). Сперва тут была только одна глинобитная мазанка — ее поставили отец и мать Саида в пору своей молодости. А потом подросли и один за другим отделились и построились пятеро сыновей. Вот так и вырос поселок Мурдаш.

Саид — самый младший из пятерых — женился, естественно, «в порядке очереди», но не так уж поздно — стал главой семьи в восемнадцать лет. Жена его училась с ним в одной и той же школе, правда, успела закончить только семь классов. Она стойко переносит вместе с мужем все превратности кочевой жизни: весной выводит на яков юрту и другой походный скarb, берет с собой детей (младшему — чуть больше года) и родителей Саида (старики, по традиции, живут с младшим сыном) и откочевывает чуть ли не на полгода на дальние альпийские выпасы.

Каждый год маршрут этого своеобразного обоза примерно одинаков — он движется за гуртом Саида, держась от него на расстоянии видимости в восьмикратный бинокль. И чтоб картина была полнее, надо сказать об одной характерной особенности... яков. Они поднимаются вслед за весной в прямом смысле этого слова — снег подтаивает, кромка его поднимается выше, за ним по пятам идут и яки. Летом в долине жарко, а жару эти оброс-

шие густой шерстью быки не переносят, не помогает даже и то, что в начале мая их стригут чуть ли не под «ноль» — шерсть быстро вырастает. Чем выше в горы поднимается «обоз», тем чаще яки используются для верховой езды. Оказывается, седло все-таки «идет» корове! Правда, обычное седло кажется игрушечно маленьким на широченной спине какой-нибудь матерой ячихи, да и уздечка здесь не совсем обычная — тонкий ременный повод, продетый через верхнюю губу. Попробуй обычной уздечкой повернуть влево или вправо могучую шею полудикого животного!

С Саидом мы не уславливались о дне приезда, поэтому я почти целые сутки был гостем его братьев, до возвращения младшего с гор, куда он уехал за сеном. И тут я в полной мере почувствовал, что такое настоящее киргизское гостеприимство — щедрое, открытое, распахнутое настежь. Через его братьев я понял врожденное чувство собственного достоинства, присущее и Саиду в той же очень удачно «отмеренной» дозе, а поэтому не броское, не выпячивающееся...

...Утром мы поднялись с Саидом в горы, где паслись его яки. Закинув за плечо свою неизменную мелкокалиберку, он шел легко и споко. Одно время Саид охотничал: стрелял лис, барсуков, волков, но потом бросил это, как он сам говорит, «несерьезное занятие». Стал яководом. Дали ему восемь десятков телят (по-киргизски мамалаков), и вот теперь его гурт повзрослел на четыре года...

Мы подошли к мохнатым быкам совсем близко, но к себе они подпустили только одного Саида. Озорновато сверкнув глазами, он вдруг ухватил ближнего быка за рога. Як замотал головой и, тяжело сопя, поволок за собой повиснувшего у него на шее парня. Саид «стопорил» сапогами, вычерчивая по земле две извилистые черные борозды, и все больше зависал на шее быка, стараясь пригнуть ее к земле. Наконец, як встал. Саид улыбнулся:

— Хочешь, фотографируй...

А потом, опустив быка, сказал уже деловито:

— Вот так каждого ловим, когда стрижем. А вон того, лохматого, третий год поймать не могу. Дикий совсем, лошадь убил.

Я понял — Саид показал мне, что должен уметь делать каждый мужчина-яковод. Быка надо уметь поймать не только для стрижки, но и для того, чтобы навьючить походный скарб или заседлать его там, где не сможет вскарабкаться лошадь. Як лазит

по горам, как большая кошка, а разгонится — прыгнет метра четыре. Летом, в самую жару, когда быки забираются особенно высоко, Саид привязывает к сапогам стальные «кошки», которые ему отковал совхозный кузнец. Як по любым скалам идет легко и почти никогда не скользит — копыта у него острые, твердые, как железные.

Саид, как говорится, сел на любимого конька — стал рассказывать о своих яках. Я с любопытством слушал его, ничего пока не записывая. Яки лучше любой метеостанции чувствуют непогоду — тогда они сразу вниз, к теплу спускаются. Корма им никакого не надо заготавливать — сами его себе круглый год добывают, копытами любой снег продолжают и разгребут. Соли им только иногда надо подложить — любят лизать. На ночь ложатся в круг, рогами наружу, а детенышей — в середину.

Волки на яка не нападают, разве что на больного и то, если он один. Яки, как увидят волка, сразу собираются вместе, рога вперед и — на него. Однажды пропали два яка. Семь дней их искали. Нашли — стоят, упершись рогами в скалу. На рогах — волк,

семь суток вот так держали его, видимо, думали, что живой еще. Стояли с ввалившимися боками, сопели свирепо, а волк-то уже смердел, разлагаться стал...

...Саид улыбается, а потом спрашивает ревниво:

— Правда, интересные яки?

Только, честно говоря, мне гораздо интереснее был сам яковод. И чтобы как-то перевести разговор на другую тему, я спрашиваю Саида:

— На комузе играешь?

Он отрицательно машет головой. Нет, не играет. Петь только может.

— В горах меня никто не слышит. А когда поешь, то кажется, что с тобой еще кто-то есть рядом...

В горах хорошо, эхо помогает. Плохо только когда гроза внизу — совсем от грома глохнешь, а смотреть интересно: тучи у тебя под ногами, и синие молнии их прошивают из конца в конец, а над головой — солнце...

Саид опять смотрит на меня и улыбается: «Что, интересно?» Да, интересно. И даже сказочно. Я для Саида гость, он угостил меня бешбармаком, дал прокатиться верхом на яке. Теперь он рассказывает мне самое любопытное из того, что видел — он хочет, чтобы гостю было приятно слушать, и я впервые ловлю себя на мысли о том, что, как видно, приятно приезжать просто так, без блокнота и карандаша. Но мне сейчас надо большее, и я, может быть, нарушая правила гостеприимства, перевожу разговор на деловые, прозаические темы.

Я, например, уже знал, что Саид учится заочно на зоофаке Фрунзенского сельскохозяйственного института. Но я не мог представить себе, как может он при такой своей сверхтрудной работе, когда ему приходится по полгода пропадать в горах, не слезая с седла, успевать еще читать, конспектировать, писать контрольные работы? Я напрямик спросил об этом у Саида. Он, как всегда не торопясь, подумал, а потом также напрямик ответил:

— Первый курс я завалил. Полностью. Ни на одну контрольную не ответил. Трудно, устаю очень. И русский я еще плохо знаю. На очное надо переводиться, а у меня семья. Вот братья если помогут...

Саид задумывается, он сидит на большом валуне и поглаживает пальцами ложе своей выдавшей виды «мелкашки». Выражение

его лица строгое. Ему очень неудобно говорить гостю о своей неудаче. Я вспоминаю рассказ его братьев о том, как весной прошлого года, перед самым выездом на джайлоо, Саид неделю не выходил из дому — сидел над контрольными. А потом вдруг узнали, что половина яков из его гурта куда-то пропала. Ушли и все. А в горах как раз пора снежных лавин и обвалов. Найти яков могли только их хозяева, знавшие повадки своих рогатых подопечных и те места, где пасли их раньше.

Отложил Саид в сторону науку. Взяли парни с собой лепешек, сунули в карманы по головке чеснока и лука — нюхать, когда на большой высоте кровь пойдет из носа. Уехали. Переночевали без огня в избушке, которую специально построили для себя в горах яководы. Утром — мороз за 30 градусов и ветер. Сатбай простыл — еле в седле держится. Яки как провалились. Когда пошла кровь из носа (и чеснок не помог), поняли, что высота около пяти тысяч метров. Туман — ушей лошади не видно. На третьи сутки нашли яков — в ущелье Уч-Чат были. Гнали яков к дому, а сами боялись из седла вывалиться — голодные, продрогшие вконец, уставшие...

Такое в жизни яководы — ежедневная проза. Братья вспомнили об этом к слову, чтобы рассказать о том, как переживал Саид, что не успел выполнить контрольные работы, ведь потом он почти сразу же начал откочевывать на джайлоо, а там какая учеба!

Конечно же, Саид не рассказал бы об этом, если бы даже у него и спросили, а тем более ему и в голову не могла бы придти мысль выставить это оправданием провала с зачетами. Это было бы просто не по-мужски...

Я листаю сейчас записи, пытаюсь вспомнить, ссыался ли Саид хотя бы один раз на трудности, мешающие ему учиться. Нет, не ссыался. Во всем винил только самого себя. И поневоле приходишь к мысли, что на трудности обычно жалуются люди, не испытывавшие их в полной мере, точно так же, как об экзотике и романтике любят рассказывать те, кто знает об этом понаслышке. Я почему-то твердо уверен, что Саид спокойно и неторопливо разберется, как ему учиться дальше, а институт он закончит. Потому он любит своих яков, потому что он сказал так:

— Я хочу быть специалистом.

И станет им.

И, может, будет лучшим в стране специалистом по якам!

ЗНАКОМЬТЕСЬ, ПРОКОФЬЕВ. От одних я слышал, будто Володя уехал на Памир, другие будто бы видели его в Ангрене. Одним словом, я потерял надежду увидеть его если не на тоннеле, то во всяком случае в Киргизии. Уехал человек и все.

Недавно мне пришлось ехать по дороге Фрунзе — Ош через тоннель... Все там было по-старому, почти ничего не изменилось. Тесно сгрудившись, стояли длинные дома, где жили строители, на нижней площадке чернели тракторы, бульдозеры и прочая техника, честно теперь служащая эксплуатационникам. На сером здании административного корпуса алел какой-то лозунг, его просто забыли снять. Было непривычно тихо... И скрипели двери.

Поселок казался брошенным, но из красного уголка доносился азартный шелк шаров. Два бульдозериста играли в бильярд.

Стол стоял на том же месте — между сценой и передним рядом стульев... Я спросил наугад — не видели ли они Прокофьева.

— Прокофьева?..

Ответ был получен минут через пять, после окончания партии:

— Утром его видели...

— Володю Прокофьева, который тут был комсоргом?!

Бульдозеристы опустили кии и подозрительно глянули на меня, потом один из них пробурчал:

— У нас один Прокофьев, он же и Владимир.

Бульдозеристы, видимо, играли «на интерес», и поэтому дальнейшие расспросы были бы бесполезны. Ясно было одно — Володя не уехал.

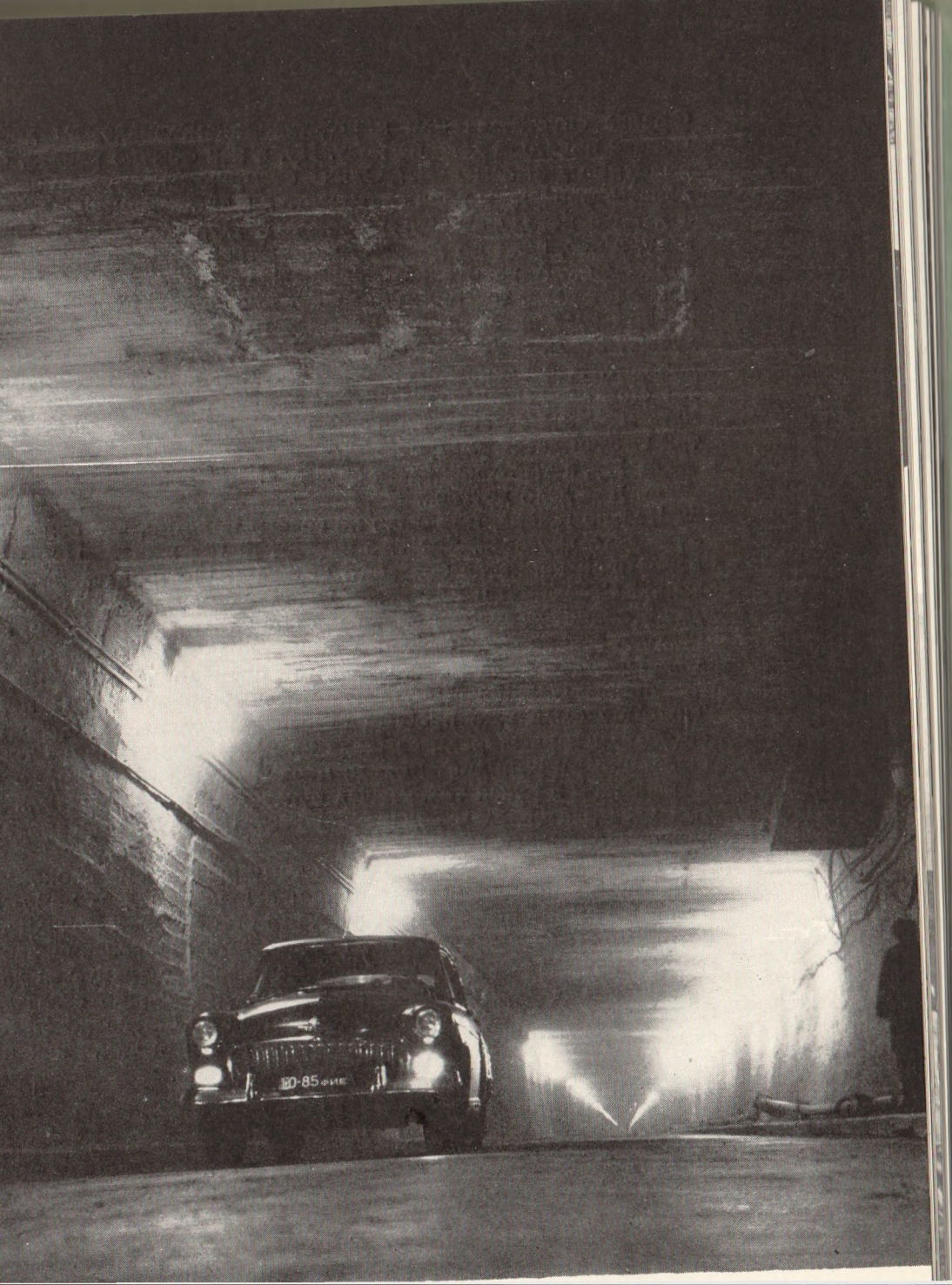
В первый раз я познакомился с Прокофьевым в позапрошлом году, когда, дней за пять до Первомайских праздников, поднялся к тоннелю по сусамырским серпантинам, скорее всего напоминавшим винтовую лестницу. Во Фрунзе тогда отцветала сирень, а здесь, наверху, все еще стояла зима. С метелями и снежными лавинами.

Поселок строителей оживленно гудел. И хотя ребята щеголяли в сапогах и ватных брюках, у каждого из-под фуфайки выглядывал если не праздничный пиджак, то тельняшка — в этот вечер ожидалось торжественное собрание с докладом, вручением грамот и премий, а в заключение намечался большой шефский концерт. Парни сидели на корточках возле длинного строения, отведенного под клуб, небрежно курили и с откровенным любопытством посматривали на хрупких шефов-девчат из Фрунзенского музыкального училища, которые скользили в своих туфлях-лодочках от автобуса по направлению к столовой...

Володя, как секретарь комсомольской организации, был по горло занят — в клубе накрывали стол красной скатертью, уточняли повестку дня, меняли воду в графине, искали стулья для президиума расширившегося в связи с приездом почетных гостей...

И только поздно вечером мы смогли по-настоящему потолковать с Володией. Сидели в прокуренном клубе, зато в тепле — на улице опять заметелило. Володя прислушался, как отчаянно дребезжат стекла, потом заговорил:

— Вот видишь, мы, наверно, самые первые в стране праздник отметили — за пять дней до календаря. Людям надо успеть во

Фрунзе спуститься или к родственникам, знакомым добраться. Сейчас ничего — лето на носу. Ну, а как обычно ребята, скажем, выходные дни отмечают? Одни отсыпаются, другие садятся на лопаты-грабарки и вниз скатываются к третьему прорабству: туда в любую погоду автобусы проходят. Ну, а обратно пешечком в гору, а это, если по дороге, километров восемь будет. Вот так отдыхаем... А работенка серьезная! Где-то с юга над тоннелем проходит река, вот она и заливает выработки. Ребята чуть ли не по три раза за смену спецодежду меняют. Думаешь, «наверху» лучше? Воды, конечно, нет, зато — ветер. До одиннадцати баллов доходит. А с южной стороны — тишина, и снег все время идет. На «юге» — лавины, зазеваешься — накроет, одни шапки на память предкам останутся... Горы есть горы. И высота. Как-никак три тысячи двести метров.

— Ну, а ты-то как здесь оказался?

— Я — дело другое...

Честно говоря, мне было не совсем понятно, что означало это «я — дело другое»... Вот уже четвертый год живет Прокофьев в небольшой комнатке большого барака для строителей. Вместе с женой Светланой и маленькой Светланкой. Дверь комнаты выходит в общий коридор и тщательно обшита дерматином, а окно наглухо законопачено ватой и обклеено бумагой, чтоб не так дуло... Приехал сюда Володя после окончания Ленинградского горнопромышленного училища. Через морщинистую подошву Тюя-Ашу была уже пробита сквозная штольня, которую потом углубляли и расширяли «выходя на проектное сечение» тоннеля. Особенно запомнились Володе первые полчаса работы, когда он с грабаркой в руках тоже начал «углублять и расширять»... А потом часа два сидел и судорожно хватал воздух, выравнивая дыхание. Понемногу втянулся...

Парень он самостоятельный, к тому же с очень спокойным и ровным мышлением. Он знал одно: «Надо же здесь кому-то работать». И жить по-человечески. А это они с женой поняли так — к концу строительства тоннеля закончить Московский заочный строительный техникум. Большой фантазии не требуется для того, чтобы представить, что это значит. Достаточно сказать, что надо на попутных самосвалах добираться до Фрунзенской городской библиотеки, чтоб взять нужные книги, а там, как назло, нужные книги дают не больше, чем на сутки...

— Ты пойми меня... Главное ведь не в том, как люди попадают на стройку, а как живут и какими уезжают. И тут, если хочешь знать, дело даже не в тоннеле. Кто мы?

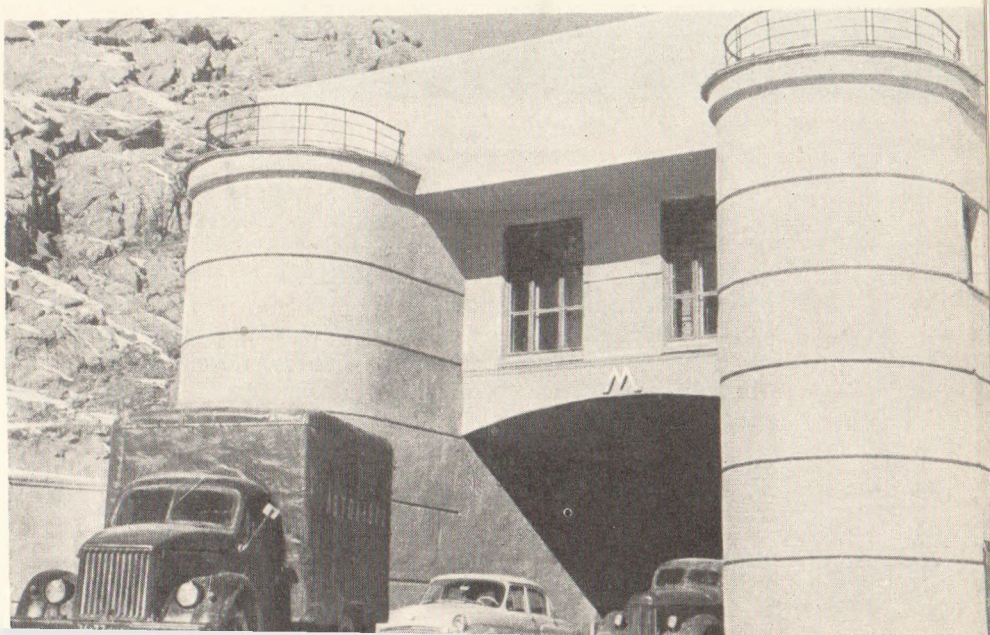
Володя как-то неловко взмахнул рукой и отвернулся к окну... Потом, сдержанно попрощавшись, ушел. Володе нужно было идти принимать «смену» — укладывать спать Светланку: жена работала сегодня в ночную...

...А потом, уже в конце прошлого года, я узнал, что строители сдали тоннель и оставшиеся участки дороги Фрунзе — Ош. Все как-то получилось, что я не смог побывать на тоннеле и вернуться к Володе. А мне было очень интересно узнать, выдержит ли до конца Володя свой характер? Честно говоря, я боялся разочароваться в этом парне, потому что знал, как обычно, «под занавес» некоторые комсорги строек странно меняются. Идет это, видимо, оттого, что они начинают своевременно думать о месте своей будущей работы.

...Прокофьев жил все в такой же маленькой комнатке, только перешел из одного барака в другой, более теплый. Дверь и здесь аккуратно обита дерматином. Ее открыла жена Володи:

— А он сейчас в гараже...

Я сразу не понял, о каком гараже идет речь. Походил, походил среди поддомкраченных самосвалов — никого. Только в каби-

не самой крайней машины сидел парень в солдатской ушанке и ел с белым хлебом сало, нарезанное толстыми ломтиками.

— Прокофьева не видел?

— Дома должен быть — обед...

— Говорят, в гараже.

— В гараже?.. А-а-а, ясно! Значит, сидит где-то и кейфует, — с оттенком зависти в голосе сказал парень. Потом вдруг настороженно ударил себя по коленкам. — Теперь ищи ветра в поле!..

Гаражом оказалось довольно крепкое строение небольших размеров, где в свое время размещалась кладовая с дефицитным инструментом. Теперь здесь стоял «Москвич» старого выпуска, а бородатый частник сидел в углу возле большой электрической печки-самоделки и сокрушенно рассматривал дырявую автомобильную камеру. Бородач вытер руки паклей и улыбнулся.

— Привет!

— Не уехал?

— Как видишь...

Сидим, молчим.

— Твой локомотив?

Володя сразу оживился:

— Всего сорок тысяч прошел... Специально взял — во Фрунзе, в Чернышевку ездить.

Он осматривает камеру «на свет» чертыхается — опять сегодняшний день пропадает. А времени в обрез. Сейчас они со Светланой распределяют между собой темы дипломных работ. Володя решил все-таки взять станцию метрополитена — одно время ему приходилось там работать... Жене Володя великодушно уступил тоннель, так как две темы по одному и тому же тоннелю брать нельзя.

В гараж заглядывает Светлана:

— Светланка только что уснула... Я пошла.

Прокофьев откладывает камеру и, запустив пятерню в бороду, задумчиво смотрит на раскаленную спираль печки.

— Извелась моя жинка... Пока не съездила в Ангрен и не посмотрела своими глазами, все еще ничего было... Понимаешь, тридцать квадратных метров полезной жилплощади! Газ, вода горячая и холодная, открытый балкон на двенадцать квадратных метров... Не квартира — сказка! С августа прошлого года ордер в кармане таскаю.

Я знал, что 121-й строительно-монтажный поезд, соорудивший тоннель, перебазировался в Ангрен прокладывать отводные тоннели на крупнейшем в Средней Азии угольном разрезе. А здесь осталась неинтересная «доделочная» работа — ставить противодавиные галереи, а самое главное — ликвидировать обводнение тоннеля. Работа эта нужная, но незаработная, к тому же приходится жить по сути дела в брошенном поселке. Все, кто смог, поспешили уехать: одни по «семейным обстоятельствам»,

другие — по «состоянию здоровья», все-таки изобильный и солнечный Ангрен — это не поднебесные «чертовы кулички», где, по самым скромным подсчетам, надо еще проторчать до июля.

Володя сидит притихший, чуть сторбившийся. В широком отвороте фуфайки видна тонкая, давно не загоравшая шея с большим кадыком.

— Понимаешь, я еще не ходил к Павленко...

Павленко — начальник строительно-монтажного поезда. Недавно он был здесь, разговаривал с Володей и его напарником. Начальник был улыбчив и ласков.

— Потерпите, ребята! Ну, кого я сюда пошлю? Новичков? Так они до следующего года в курс только входить будут. А еще, чего доброго, все наше дело здесь загубят...

...Все так же, не меняя позы, и все тем же спокойным и ровным голосом Володя говорит:

— Кому-то же надо здесь кончать. А мне — тем более...

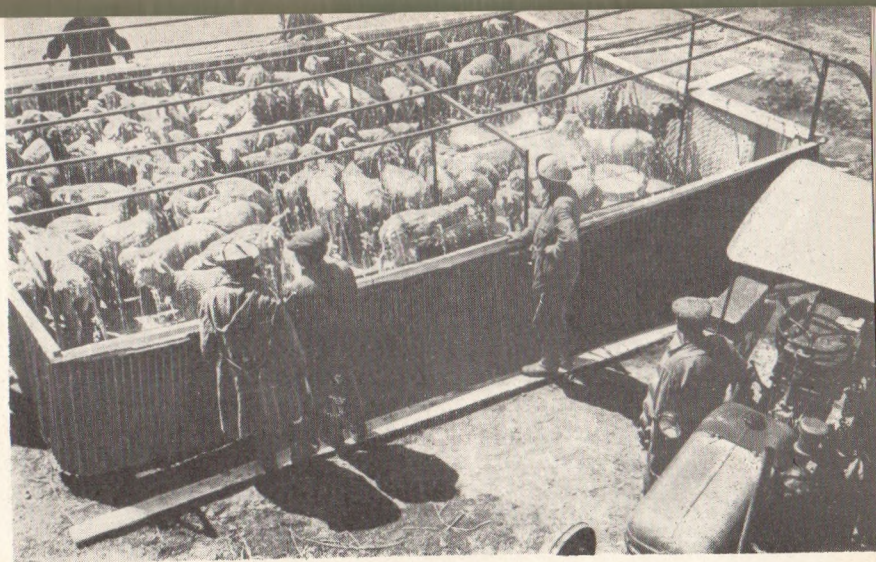
Потом сфотографировались. На память. И я уехал. Там, высоко в горах, остался Володя Прокофьев. Может быть, до июля, до августа. Я понял, почему он остался, понял это «а мне — тем более...» Пишу о нем вовсе не потому, что Володя сделал великое открытие или совершил громкий подвиг. Он сделал большее. Он остался комсоргом. В самом изначальном и бескорыстном смысле этого слова.

Вот он на этом фотоснимке. Козырек шапки отогнут и надвинут чуть ли не на самые брови. Густая курчавая борода.

«Понимаешь, ветры у нас тут ледяные, чуть вспотеешь — лоб до мозгов промерзает...» Сперва брился, потом бросил — в горах борода защищает: не так кожа трескается. Умываться, правда, не совсем удобно...

По замыслу фотокорреспондента он традиционно смотрит «вдаль», но, честное слово, в данном случае это оправдано, потому что я как-то не представляю, чтобы Володя Прокофьев когда-нибудь смотрел себе под ноги...

■ СКАЗАНИЕ О ЗОЛОТОМ РУНЕ. Существует много легенд и сказок о золотом руне. Еще древние греки повествовали о том, как ездил хитроумный Одиссей за золотым руном. Куда именно ездил расторопный эллин, точно никто сказать не может,

но если бы он случайно завернул на землю киргизов, то, попав в щедрый и богатый край золотого руна, бывалый путешественник наверняка бы ахнул.

Из всех профессий, существующих на земле с незапамятных времен, профессия чабана — самая древняя. Ныне некоторые склонны считать, что профессия пастуха — вымирающая. Пройдет, мол, время — и чабаны останутся разве только в легендах и сказках... Не будем загадывать, лучше давайте пригласим этих теоретиков на высокогорное джайлоо, угостим кумысом, накормим бешбармаком и потом послушаем. Во всяком случае, можно сказать одно — о кибернетике они сразу забудут, вовсе не потому, что это плохая наука, нет, что вы! Просто им не захочется ни о чем думать...

Джайлоо! Рано-рано, когда еще висит легкий туман, сквозь который проступают резкие очертания гор, тишина стоит такая, что кажется, будто трава прислушивается... Все ждет солнца. И вот пробиваются первые розовые лучи, они разгораются все ярче, и звон стоит в воздухе тонкий-тонкий. А когда мощным залпом в небо ударят белые лучи и над горами покажется краешек солнца, вы увидите, что на джайлоо точно ковер расстелен, а по нему бирюсером рассыпана крупная роса. Ожили умытые цветы, вздохнула трава. И по ковра дымится росистый след: кто-то ранний проехал уже верхом...

...Идет отара, плывет отара прямо навстречу солнцу. Чабан выравнивает переднюю линию, чтоб не рвались вперед сильные овцы, чтобы места хватило и слабым.

Едет чабан — и все у него поет: трава поет, облака поют, горы поют. И чабан поет — о траве, про облака, про горы. Он зорко следит за движением отары: чтоб не отбивались овцы, не отставали, не забегали вперед, чтоб всем хватило травы.

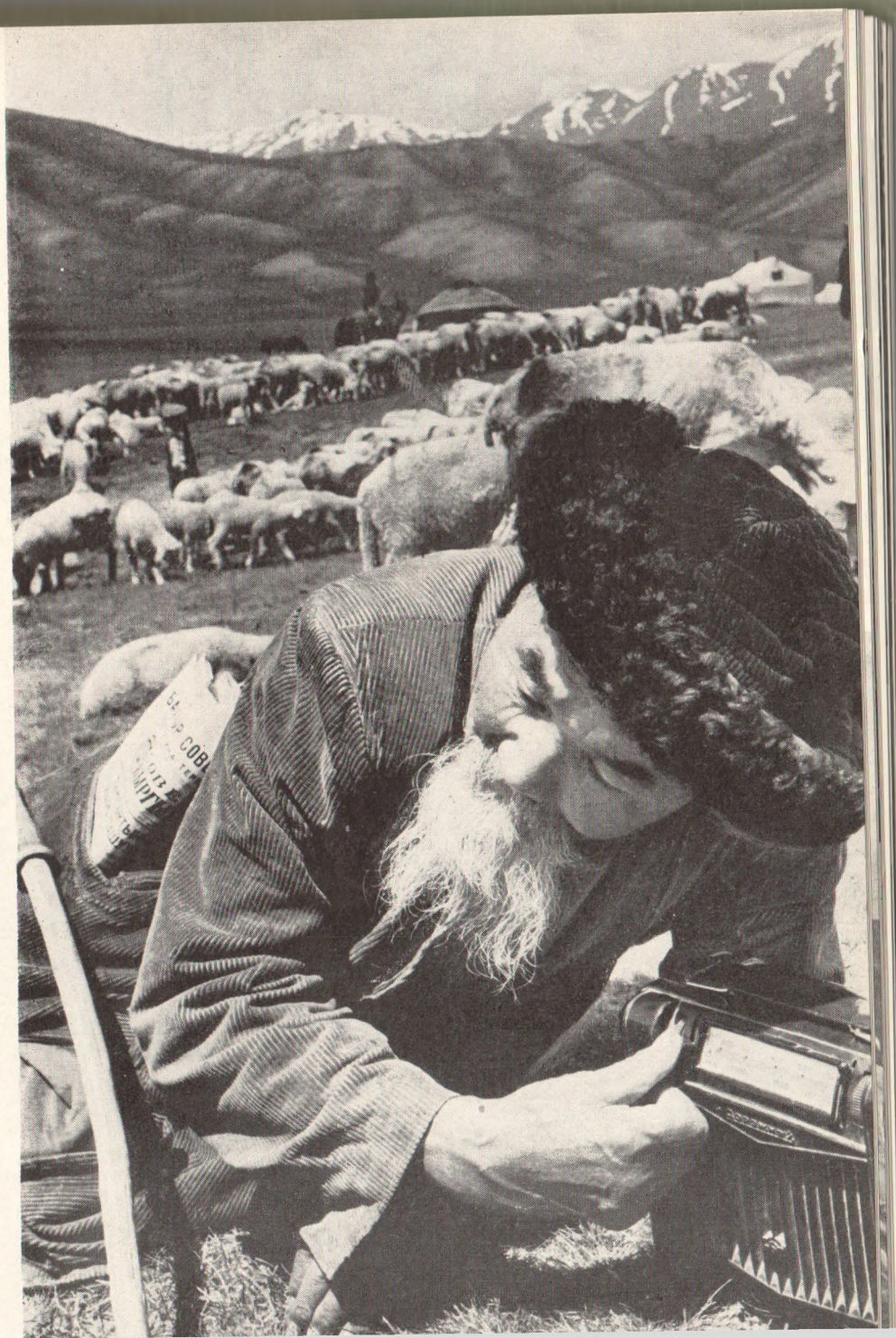
Чабан ведет отару...

А небо может вдруг нахмуриться, зависнет туча, сломается в ней молния, и дождь зашелестит по траве, и ветер поднимется, захлещет в лицо дождевой пылью. А потом дождь станет холодным-холодным и превратится в буран, с большими хлопьями и резким ветром...

Но чабан — на месте, он ведет отару.

Вот туча разлохматилась, рассеялась... И снова танцуют жаркие лучи солнца, и в нескольких шагах впереди вырастает трепетная арка радуги. Овцы идут прямо на нее, проходят, а она рас-

сыпается и оседает на цветах, которые вспыхивают радужным цветом, тяжело раскачивая в чашечках крупные капли дождя.

А чуть приустанут овцы — расстелет пастух на траве чапан, ляжет и будет смотреть на высокое небо, на плавающих в нем горных беркутов, и мысли его потекут вслед за ними. И будет он, может быть, напевать стихи, а, может, достанет приемник, будет щелкать пальцами, слушая прилетевшую из-за гор музыку.

Конечно же, работа чабана не такая уж радужная сказка. Это — работа, трудная и всегда напряженная, и надо родиться чабаном, чтоб все уметь и знать... Когда идет окот, сутками чабан не спит, и, может быть, нет тогда нежнее и терпеливее на земле человека, чем чабан. Маленькие ягнята-несмышлениши доверчиво льнут к его рукам, от этих рук и только от этих рук зависит жизнь будущей отары. И эти руки становятся умными и нежными, как у повитухи... А сколько хлопот и тревог начинается со стрижкой овец, когда снимают золотое руно!

Чабан ведет свою отару...

Приходилось не раз наблюдать, как переправляет чабан овец через горную реку. Здесь надо обладать высоким знанием психологии животных, чутьем сапера, быть гидрологом... Пастух долго

ищет самый удобный брод. Потом вся отара сгоняется к берегу так, чтобы овцы выстроились длинными шеренгами. Верхом на коне чабан тащит через поток упрямого козла-вожака. Овцы бросятся вслед, и вот здесь необходимо большое искусство, чтобы овцы шли плотной массой, не отбиваясь друг от дружки, — иначе снесет поток, завертит и ударит о камни.

И если уж речь зашла о многогранности чабанской профессии, то нельзя не упомянуть об... альпинизме. Поздней осенью можно наблюдать такую картину — чуть ли не по самой середине высокого склона белыми параллельными лентами тянется бесконечная отара, а выше нее — небольшая фигурка чабана. Он то поднимается на крутизну, то спускается, то заходит вперед, подправляя путь вожака. Сколько альпинистских разрядов «подтверждает» чабан только за один этот перегон овец!

А сколько у него таких перегонов!

Чабан ведет свою отару...

И все-таки, когда овцы идут по малахитовому джайлоо, когда солнце стоит высоко и дует от реки легкой прохладой, чабану кажется, что все кругом поет: поет трава, поют горы, поют облака. И чабан поет — о траве, о горах, в которых он вырос, про облака, которых он столько раз касался рукой.

Поет чабан и ведет свою отару...

■ **ТРИЖДЫ ГЕРОИНЯ.** В одной из центральных газет промелькнула информация: «На прилавках книжных магазинов г. Фрунзе появился роман киргизского писателя С. Омурбаева «Телегей». Прототипом главной героини произведения явилась Телегей Сагымбаева, Герой Социалистического Труда. Мать-героиня, она воспитала 12 детей...»

Выходит, — трижды героиня. Мать. Чабан. Героиня романа.

...Вертолет содрогается, размахивает громадным винтом, и кажется, что он не летит, а упорно старается удержаться на месте. И только по серой горбатой тени со смешными усиками над головой, которая стремительно скользит по застывшему каменному морю, видно, что гремящая железная стрекоза идет на довольно приличной скорости в глубь каменного царства.

Это только кажется, что бесконечные вереницы гор, проплывающие внизу одна за другой, безжизненны или, во всяком случае, слабо заселены. Горы — чабанская держава. Сверху все видно. То здесь, то там разбросаны белые пятна отар. Заслышав стрекот вертолета, они сперва рассыпаются, а потом сбиваются в тугие спирали. Только чабаны застыли каменными изваяниями на своих коренастых лошадаках, провожая удаляющуюся машину взглядом из-под руки. На зелени впадин стоят редкие юрты, над ними — легкие дымки...

Вид сверху. Да, это вид сверху, потому и кажется на первый взгляд, что это просто — жить в горах: «Где развел костер, там и крыша над головой, где привязал коня, там и пастбище». Но и это — только старая поговорка. Жизнь чабана — сплошная работа. Трудная, суровая, самоотверженная. Она не каждому по плечу. Горы есть горы. И дождь, и снег, и жаркая погода, и ночь, и волки, и неожиданная метель — все это на каждом шагу. Круглый год.

Всегда чабан на посту, днем и ночью несет он свою нелегкую вахту. Он все должен уметь и все знать.

...Вертолет опустился на берегу озера Сон-Куль. К нам скачут всадники, обгоняя их, без дороги, идет газик ветслужбы... Сегодня праздник, слет животноводов, сегодня сюда съехались пастухи Кочкорского района.

Мы сидим в большой белой юрте. На почетном месте — Телегей Сагымбаева. Крупная сидящая женщина с открытым лицом. Движения спокойные, неторопливые. Говорит медленно, чтоб понятней был смысл ее слов.

— У нас говорят: «Води овец так, чтоб не они проходили через траву, а чтобы трава проходила через овец». Понимай овцу — утром гони ее на восток: лучи солнца еще не так бьют ей в глаза. Потихоньку сворачивай к югу, а когда станет совсем жарко, гони овец спиной к солнцу, чтоб их глаза в тени были, и

старайся, чтоб против ветра — так пыль будет относить и не так жарко овце...

Что, трудно сразу понять?

Телегей сидит прямо, как в седле, смотрит в открытый про-свет двери и гладит большими коричневыми от загара руками взлохмаченную головку внука, который прижался сбоку. Я смотрю на эти руки. Сейчас они нежные-нежные. И мягкие. Такими же они у нее бывают и тогда, когда она принимает еще мокреньких ягнят от устало сопящей овцы. Это тоже дети. Ее руки ловко стреноживают и седлают коня, варят еду. Они крепко держат ружье, заряженное тяжелой картечью, когда волк ходит где-то рядом. Они не дрогнут, не дадут промаха, потому что это руки матери.

Русский поэт Некрасов сказал о русских женщинах: «Коня на скаку остановит. В горящую избу войдет...» Как будто о киргизке Телегей сказано!

Какую нужно иметь мужскую хватку и силу, женскую мягкость и ласку, чтоб почти всю жизнь не слезать с лошади, день и ночь стоять на посту у отары и воспитывать двенадцать детей!

Мне рассказали об одном малоизвестном эпизоде:

...Тилек Джакишев, заведующий клубом «Овцевод», настроил магнитофон, поставил свежую кассету, проверил микрофон и вышел из комнаты... Спокойно вращаются диски, шуршит лента. Телегей держит в руках серебристый микрофон и рассказывает.

О самом важном. Как начинало становиться на ноги их овцеводческое хозяйство, как трудно все это давалось.

Шестидесятичетырехлетняя седая женщина рассказывала все, что она видела собственными глазами, что она сделала своими руками. Слова ложились на узкую коричневую пленку, «записывались».

Пленка эта сейчас бережно хранится. Ровно через 18 лет, когда станут совершеннолетними те, кто родился в 1966 году, для них прозвучат слова матери, ее материнский наказ, напутствие в жизнь.

...И опять стремительно бежала серая горбатая тень вертолета, падая и взмывая. А горы и отсюда, сверху, были высокими — их вершины уходили за облака.

...Вертолет шел над чабанской державой.

■ **ЛЕТАЮЩИЕ ОТАРЫ.** Я сидел на аэродроме в Оше и ожидал самолет на Фрунзе. Было жарко — даже в тени градусник показывал 40. И хотя до отлета оставалось еще более трех часов, из аэропорта не хотелось никуда уходить: здесь хоть ветерок тянет с летного поля... Бесцельно бродя, я случайно остановился около открытой двери, на которой висела табличка «Отдел перевозок». Там кто-то громко кричал — то ли в телефонную трубку, то ли «связывался» по рации:

— Ты мне толком скажи — сколько еще тонн осталось? Так... Одни овцы?.. Хорошо! Бычков не надо! Только ты сам не навязывайся, понял?! Они нам в прошлый раз все иллюминаторы рогами повывсадили... Ну, лады, лады!

Тонны... овцы... бычки... иллюминаторы рогами повывсадили, — ничего не понятно! Взыграло чисто профессиональное любопытство. Я вошел в комнату и, наскоро извинившись, попросил все это перевести на понятный язык. Диспетчер, несмотря на то, что у него над головой вращался большой — «авиационный» — вентилятор, сидел в кителе, расстегнутом чуть ли не на все пуговицы. Он как-то сонно глянул на меня, а потом, торопливо застегнувшись и надев форменную фуражку, спросил официальным тоном:

— Вам кого?

Я еще раз извинился и повторил вопрос. Парень как-то сразу повеселел и вдруг предложил, перейдя на «ты»:

— Хочешь сам посмотреть?.. Вон летчик пошел, догонишь — успеешь, а его предупрежу. Давай!

...Через несколько минут мы уже летели над горами. Самолет перемахнул пологие рыжие горы и теперь шел над Узбекистаном. Внизу рельефной картой тянулись поля и их извечные среднеазиатские стражи — тополя и тутовник. Самолет пошел на снижение и как-то неожиданно приземлился на большом выгоне.

Это был овечий аэродром. Два самолета стояли, окруженные со всех сторон овцами. Надрывались сторожевые собаки, чабаны сбивали отары, не давая им разбредаться. И над всем этим станом висело облако пыли, сквозь которое скорей угадывались, чем виднелись наскоро поставленные юрты. Там жили дети чабанов, их жены, тут же лежал нехитрый походный чабанский скарб. В юрте прямо на кошке сидели летчики и пили бесконечный чай. Кто-то, невзирая на шум и гвалт, сладко похрапывал в углу — видимо, ребята работали и уже не одни сутки.

Постепенно все стало понятно — летчики киргизской авиагруппы перевозили овец из Узбекистана на высокогорные альпийские пастбища. До этого перебрасывали по «воздушному мосту» и других пассажиров — бычков, но они оказались очень уж нервными клиентами: лягались, все норовили высунуть морду в иллюминатор, одним словом, намучились с ними порядком. Овцы оказались существами более деликатными: они сбиваются в тесную группу и не «дергаются».

...Объявили посадку. Это надо было видеть! Летчикам приходилось, как говорится, плясать от ... козла. Ловили его за бороду и медленно вели «под белы руки» к самолету, а затем вежливо так подталкивали. Пока козел с любопытством осматривал салон самолета, его подданные стремительно штурмовали входную дверь... Овцы настойчивой цепочкой упрямо стремились вслед за вожакom и поводырем, и здесь нужно было только помогать им — кого подталкивали, кого несли на руках. Одним словом, не посадка, а само воплощение аэрофлотской вежливости и предупредительности. Не хватало только изящной стюардессы...

А потом поднимался на борт настоящий пассажир — чабан или его подпасок — вместе со своим скарбом и сторожевыми собаками. «От винта!» — эту команду выполнить было не так-то просто — нужно было отогнать оставшихся упрямых «пассажиров» подальше от самолета. Суетились чабаны, метались ошалевшие собаки, отделяя «своих» от «чужих», взмывала вверх легкая пыль...

Наконец самолет выруливал на взлетную полосу и, тоже оставая после себя густой шлейф пыли, поднимался и брал курс на Чаткал. Отара стремительно летела над застывшим каменным морем. Там, за Чаткальским хребтом, высадится на сочных альпийских лугах еще один овечий десант. И будет нагуливать вес, и будет наращивать шерсть на привольном высокогорном раздолье.

Это уже вошло в практику. В 1965 году, например, по воздуху были переброшены тысячи овец. Такого рода «перегон» овец эко-

номически выгоден, колхозы очень охотно идут на него, и в гражданскую авиацию Киргизской республики ежегодно поступает много заявок. И летчики — «короли воздуха», «соколы» — частенько оказываются в роли представителей древнейшей профессии — пастухов...

...Я все-таки успел к фрунзенскому самолету, больше того — времени осталось даже и на то, чтобы искупаться в арыке, смыть густой слой пыли, потому что предстояло лететь в обычном самолете, который перевозит обычных пассажиров...

■ ЛУНА И ТЕЛЕВИЗОР. Сухая газетная информация:

«Молодежь высокогорного поселка Минкуш и молодые чабаны Джумгальской долины на безымянном пике высотой в четыре километра построили телевизионный ретранслятор. В Джумгальской долине, отрезанной от внешнего мира горными хребтами, вспыхнули голубые экраны телевизоров. Ретрансляционная телевизионная станция в честь ее строителей названа «Молодежной».

...Проводник Кары Качкиев идет далеко впереди — пробивает в снегу тропу. Идет легко, размеренно, постукивая длинной палкой, осторожно обходит снежные омуты, в которые можно про-

валиться «с ручками». А со стороны кажется, что сапоги у Кары сделаны из фантастической минусматерии — они скользят почти поверху. Мы же, идя за ним след в след, проваливаемся по грудь. Через тридцать — сорок шагов в изнеможении падаем на снег — выравниваем дыхание.

Кары ведет нас туда, наверх, где только что установлен телевизионный ретранслятор, где в маленьком домике заступили на двухсменное дежурство Веня Селиверстов и Саша Редченко, самые опытные инженеры Фрунзенского телецентра.

Мы штурмуем вершину налегке: весь наш груз — блокноты и фотоаппараты, но нам трудно. И невозможно себе представить, что совсем недавно эта тропа была рабочей. Три месяца ходили здесь ребята, одного только груза — аппаратура, шлаковата, столлярка, кабель, провод и тому подобное — им пришлось затащить наверх почти семь тонн. Затащить на себе, потому что волы и лошади выше 3600 метров не шли, и даже яки — могучие горные быки — бастовали. Плохими помощниками оказались и верблюды: они свирепели и метко плевались липкой слюной.

Почти месяц копали ямы под опоры высоковольтной линии. (То только так называется «копали», а на самом деле — заклады были взрывчатку и рвали на куски скальный грунт). А потом развозили столбы. На вола выючили по два столба — за сутки один рейс. Часто бывало так: дойдет бык до поворота тропы, передние ноги его уже за углом, а задние еще здесь — брюхо мешает, упирается в камень, лежащий на дороге, бык — ни с места. Пробка. Тогда несколько ребят, опираясь спинами о скалу, сталкивали ногами камень в пропасть.

Намучились с кабелем: его было много, да и весил он почти семсот килограммов. Одному быку тащить его, конечно, не под силу, а рубить на куски жалко. Нашли выход — обмотали кабель вокруг десятка быков — от одного к другому. Так они и шли, как альпинисты, связанные веревкой... С лошадьми хлопот было больше — на них сперва накладывали по шесть — восемь матрацев, делали «подушку» и только потом выючили груз...

...Поздно вечером, когда мы наконец поднялись к поднебесному домику, нам встретились шестеро монтажников, которые устраняли разрыв в высоковольтной сети. В домике царилоселье. Больше всех балагурил всеобщий любимец Николай Радионов, прозванный за свой рост Малышом...

По телевизору шел концерт. Пел Трошин, пел о голубых городах, которые снятся иногда людям, о разлуках, о дальних дорогах. И мне почему-то показалось, что все эти красивые и грустные песни вовсе не об этих парнях — ни о Николае Рыжкове, ни об инженерере Викторе Келлерте, который вот уже пятнадцать лет живет и работает на высокогорных ретрансляционных телевизионных станциях... Голубым пламенем полыхал экран контрольного телевизора, пел песни известный певец, а ребята сидели и деловито говорили о снежных лавинах, рвущих линии электропередач, о том, какие лучше наматывать портянки, чтобы не мерзли ноги в резиновых сапогах, с видом знатоков толковали о том, что в горах никак нельзя пить спирт, если даже здорово промерзнешь...

Здесь, на вершине, солнце встает рано, может, даже одновременно с Владивостоком. Оно, яркое и горячее, почти мгновенно накладывает на щеки густой, но легко сходящий загар. Саша Белюсенко встал раньше всех и потащил нас на трансформаторную площадку.

— Видите, трансформатор. Весит, дурак, триста килограммов. Его никак не размонтируешь, чтобы по частям тащить. Попросили вертолетчиков. Они сперва отказывались, потом решили попробовать. Подцепили, набрали высоту, а потом по прямой — к нашей «Молодежной» — полетели. Сверху эта площадка вроде ровная. Сели. А на площадке оказался бугорок, невидимый сверху, ну и потащило вертолет набок да вниз. Летчик не растерялся, развернул машину. Взлетели. Опустились в долине, вышли из вертолета: белые все. Сидят, курят. А потом: «Ну, что — полетели?» «Полетели». На этот раз удачно приземлились. Выгрузили трансформатор и бочку с трансформаторным маслом. Лихие ребята!

Саша говорит об этих ребятах с завистью. Правда, он не знает фамилий ни одного из них, да и никто не спрашивал тогда имени-отчества. Попросили летчиков — вот и сделали они снайперскую посадку на скалистый пятачок, хотя, с точки зрения вероятности, это почти невероятно.

К тому, что рассказано о строительстве ретрансляционной станции, хочется добавить еще вот что: начали работать пятого августа, а уже через несколько недель задула первая метель, потом вторая, третья. И дальше одна метель переходила в другую. Но почти никто с трассы не ушел. И строили здесь не один день и не два, а девяносто! Никто их не заставлял строить, точно так же, как и вертолетчиков никто не заставлял делать головоломную посадку на горбатом «пяточке».

Уже во Фрунзе, в Управлении радиорелейных магистралей и телевидения я узнал еще одну любопытную деталь: никто не обязывал и это солидное управление делать оборудование для «Молодежной». Не было ни сметы, ни официального заказа, но специалисты из производственной лаборатории во главе с начальником Александром Горлановым сами изготовили опытный образец ретранслятора для новой станции. Не только изготовили, но и рассчитали место для него и послали для монтажа и настройки станции своего самого опытного инженера Виктора Келлерта.

Вот и, пожалуй, все об этой необычной стройке. Работает «Молодежная». Высоко в горах, выше четырех километров, стоит заиндеветавшая антенна, «простреливая» своими сигналами Джумгалскую долину. Ровным голубым светом залит экран контрольного телевизора. Как далекая звездочка, мерцает над заснеженными хребтами Джумгала диск круглой антенны... Снизу кажется, что медленно проплывающая Луна останавливается на какую-то секунду и удивленно смотрит на своего поднебесного двойника...

■ КРЫЛАТЫЙ ГОМЕР. На большом летном поле Фрунзенского аэропорта есть сектор, который можно назвать стартовой площадкой санитарной авиации. Здесь всегда наготове стоят вертолеты и самолеты с красными крестами на фюзеляжах... Через все поле стремительно мчится машина скорой помощи. Резко тормозит. Выходят люди с небольшими чемоданчиками. Быстро поднимаются в горбатую машину с громадным винтом...

Винт набирает обороты, гонит вокруг себя резкий ветер, вздымая облако пыли. Вертолет чуть неуклюже подпрыгивает и, как космическая ракета, вырывается из пылевого облака почти вер-

тикально вверх... Через несколько минут он уже висит над горами.

...Где-то далеко с человеком случилась беда.

У этого большого широкоплечего человека странное имя — Гомер. Отчество — Иванович. Гомер Иванович. Нет, на древнегреческого слепого рапсода он не похож, хотя и «балует» сти-

хами. Гомер Иванович курит трубку и летает на вертолетах — он уже «распечатал» четвертый воздушный миллион. Когда вы будете разговаривать с Гомером Ивановичем, он будет обязательно возиться со своей обкуренной и обгрызанной трубкой, хмурить брови и интересно рассказывать. Просто диву даешься — сколько занимательных, необыкновенных историй и случаев знает этот человек! А потом он подведет вас к висящей у него в кабинете карте Киргизии и коричневым черенком трубки будет обводить те места (а это могучий узел хребтов, уходящих своими вершинами на пяти тысячную отметку), где, по его твердому убеждению, есть если не снежный человек, то какое-то существо в этом роде, которое обитает за чертой вечных снегов в зоне разряженного воздуха.

Не будем торопиться с оценкой, может быть, и несколько необычного увлечения Гомера Ивановича, согласимся с тем, что в мире существует еще очень много загадок — таких, с которыми человек столкнулся, и тех, о которых он даже еще и не подозревает. Согласимся с тем, что у Гомера Ивановича, который облетал вдоль и поперек Крайний Север, а за последний десяток лет тоже облетал — и тоже вдоль и поперек — Тянь-Шань, могут быть свои догадки и соображения по поводу самых удивительных явлений, которые человек еще просто недостаточно изучил...

Но не об этом сейчас речь. Беда в том, что с Гомером Ивановичем очень трудно разговаривать о его «крылатой» работе. Я, например, знал, что «летающий доктор» пользуется у жителей гор — чабанов — особой любовью и уважением. Чабаны своих детей называют его именем, а также всем, что связано с ним: в горах Тянь-Шаня живут десятки юных Гомеров, неугомонных Вертолетов, шустрых Самолетов...

Эти несколько странные имена чабаны дают своим детям по старому киргизскому обычаю называть ребенка именем того, кого увидит отец сразу после появления новорожденного на свет. А рядом всегда оказывается «крылатый доктор» (кстати, эти названия дали доктору тоже чабаны) с его большой добротой к людям.

Всегда, когда пытаешься завести разговор о его работе, Гомер Иванович долго прочищает свою трубку, хмурится и в лучшем случае расскажет уже известное. О том, что все меньше становится экстренных вызовов — с каждым годом все улучшается и

увеличивается сеть медицинских учреждений в горах. На высокогорье, в Кенес-Анархае, Сусамыре, Ак-Сае есть участковые больницы, а при них — акушерские пункты, рентгенкабинеты, аптеки. Ежегодно в сыртовые полосы забрасываются индивидуальные аптечки, медикаменты для детей чабанов. Одним словом, все меньше экстренных и все больше плановых вылетов — для профилактических осмотров и диспансеризации чабанов и их семей... Вот так...

И все-таки во время одной воздушной командировки, в которой мне пришлось быть вместе с Гомером Ивановичем, я узнал от пилота любопытную подробность, которая ничуть не хуже «историй» и «случаев», рассказанных Гомером Ивановичем Семерджиевым.

Пилотам санитарной авиации приходится, конечно, труднее чем тем, кто летает на рейсовых маршрутах. По радио передается тревожный зов и почти всегда из тех мест, куда может добраться только вертолет. Попавшие в беду альпинисты, геологи,

чабаны... Срочный вылет. И тут уж важно только одно — вовремя добраться до пострадавшего, оказать помощь. Конечно же, никто здесь не фиксирует снайперских посадок в труднейших, а самое главное, новых, неизвестных условиях. Во второй раз пилоту на том же месте легче сделать посадку: более или менее известны скорость и направление ветра, характер грунта и т. д. А вот первый раз...

А в горах всегда высота и значит — разряженный воздух. А с разряжением воздуха мотор хуже работает и винт хуже тянет... Однажды получилось так, что пришлось выгрузить все «лишнее» (хотя, как известно, в полет лишнего не берут). Больше того — чтоб подняться до пострадавшего, пришлось ссадить и ассистента Семерджиева. Остались врач и пилот. Облегченная машина взяла высоту. Гомер Иванович поставил диагноз — нужна операция в полости живота. Ассистента нет, он остался внизу. Семерджиев приказывает пилоту:

— Надевай халат!

Пилот сбросил меховую куртку и с трудом втиснулся в халат, недоумевая, к чему это переодевание.

— Мой руки!

Пилот еще более удивился, но вымыл.

— Еще раз вымой! Да побыстрее...

Летчик покорно выполнил приказания — голос у доктора жесткий, тон — не терпящий никаких возражений.

— Надевай маску!

Надел, стоит весь похолодевший. «Сейчас скажет: бери скальпель и режь!»

— Скальпель!

Доктор, не глядя, протянул руку. У летчика все инструменты как-то расплылись перед глазами. Взял почти наугад, но подал.

— Зажим! Тампон!

До тошноты пахло иодоформом, маска мешала дышать, больной скрежетал зубами, а потом ревел прямо-таки нечеловеческим голосом... Летчик почувствовал, что у него начинает кружиться голова.

Сколько это продолжалось, не помнит, держался на ногах, собрав всю волю... А когда услышал: «Ну, теперь порядок!» — почувствовал, что сдало что-то и... тут же грохнулся, как девчонка, в обморок. Потом сидел и ел снег! Без маски, без халата, и

воздух был ароматный, свежий воздух! И никакого запаха иодоформа. А Гомер Иванович бухал его между лопаток: «Молодец! Ай, какой молодец!»

Было с пилотом всякое: и в тумане плутали (а туман в горах все равно, что «пиши завещание»), и на «ноле» горючего летел над водой и все-таки дотягивал до берега — разное случалось, но такое... Нет, это в первый и последний раз! Хватит!

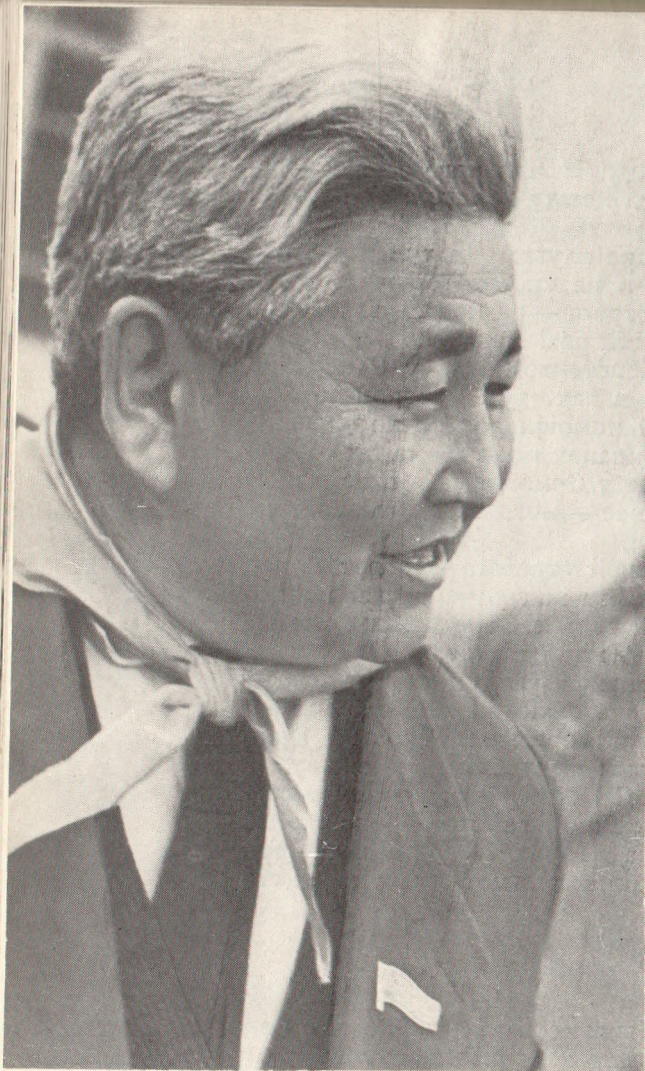
А потом чуть ли не штатным ассистентом стал у Семерджиева. Просто забывал свой зарок, да и как тут в стороне стоять будешь, если видишь, что без твоей помощи доктор не справится... Привык и к маске, и к халату и запах иодоформа стал переносить, а все инструменты, что лежат у Семерджиева в походном чемоданчике, наизусть выучил, точнее — мог взять любой, не глядя и без ошупки.

...Вот так — каждый день по боевой тревоге — живет Гомер Иванович. Каждый вылет — борьба за жизнь человека, и надо быть сильным, чтоб победить в этой борьбе. И знающим. Свыше двадцати тысяч операций сделал крылатый доктор...

Многие болезни повторяются, признаки их, симптомы известны, отработаны методы лечения. И все-таки какой сложный и таинственный это мир — человеческий организм, сколько здесь загадок, известных и таких, о которых еще даже и не знают...

Заслуженный врач Киргизской ССР Гомер Иванович Семерджиев занят своей, может быть, будничной работой — спешит на помощь людям, которых застала беда в горах. И, видимо, потому, что он нужен людям, дорог людям, они называют своих детей его именем. Гомером.

■ БЕЛАЯ ШАПКА ПЕВЦА. — Вы заметили, наверно, что когда въезжаешь в ущелье, горы выглядят холодными, суровыми, и на первый взгляд кажется, что ничего живого на них нет, ничего светлого и радостного, на чем бы взгляд отдыхал. А стоит только чуть свернуть от дороги и подняться вверх по щели и сразу откроется иной мир, отгороженный каменными «стенами»: вы увидите залитое солнцем джайлоо и пчел, берущих взятки на диких цветах. Все здесь будет мягко искриться, петь, улыбаться... Вот так и душа киргиза — певучая, как комуз, и вся залитая

солнцем, а на первый взгляд кажется, что человек гор суров, замкнут и холоден, как те скалы, которые видишь при въезде в ущелье...

Тугельбай Сыдыкбеков, большой, грузный, улыбается, довольный своим сравнением, откидывая голову с копной волос снеж-

ной седины. На большом столе — книги, книги, книги, аккуратная стопка белой бумаги и среди этого — машинка, как утлая лодка в океане. В машинке заложен лист бумаги с начатой узорной вязью стихов: у писателя сейчас передышка после недавно законченной им второй книги трилогии «Женщины».

...Мы стоим возле большого книжного шкафа во всю стену, полки которого прогибаются под тяжестью книг. Есть в нем одно заветное отделение, где густо стоят книги хозяина. Их много, они вышли не только на киргизском, но и переведены на десятки языков мира. Крылатые посланцы, которые проторили за рубежом широкую дорогу киргизскому роману.

И здесь хочется вспомнить о самой первой печатной работе Тугельбая Сыдыкбекова, академика, лауреата Государственной премии, уважаемого в республике писателя... Это уже как закон — самая первая напечатанная строчка запоминается на всю жизнь, и сколько бы потом ни выходило книг, больших и малых, первая строка хранится в памяти памятью юности.

...Как всякий киргизский мальчишка той поры, Тугельбай любил слушать манасчи. Весь народ их слушал. Если приезжал манасчи в аил, собирался и стар и млад, до утра слушали сказителя. И Тугельбай, как и всякий киргизский мальчишка той поры, мечтал стать если не акыном, то сказителем... Была широко распространена легенда о том, что манасчи становится тот, кому явятся во сне или наяву могучие всадники Манаса и велят быть сказителем. Эта легенда настолько врезалась в память, настолько будоражила воображение, что однажды тринадцатилетнему Тугельбаю было видение...

Ребята пололи мак. Увлечшись, Тугельбай стал рассказывать отрывки из «Манаса». Он не знал, слушали его или нет: мальчик перенесся воображением в былинные времена, ему казалось, что он сам участник тех событий... Мальчишка поднял глаза, и вдруг перед ним, как на экране, поплыли могучие всадники на серых конях, кивнули и исчезли... Тугельбай испугался, рассказал об этом старику, тот с почтением взглянул на парнишку и сказал только:

— Об этом никому нельзя говорить...

Что ж, может, это видение было плодом разгоряченного пылкого воображения будущего писателя, может быть, подействовали дурманящие испарения мака, во всяком случае, Тугель-

бай обрел какую-то уверенность в том, что он может стать если не акыном, то манасчи... В 1929 году Тугельбай поступил во Фрунзенский сельскохозяйственный техникум. Был застенчивым, робким подростком. Он потихоньку уже писал стихи, но никак не мог осмелиться отнести их в газету. Зайдет в редакцию — пот с него льет, дыхание прерывается от волнения. Постоит и уходит. Спросят у него:

— Ты что, парень?

— Да я так просто...

Уйдет куда-нибудь подальше от редакции, посидит-посидит и начнет сам себя ругать. Вот так шел он в апреле 1930 года из редакции и стыдил себя на чем свет стоит. Поднялся вверх по теперешнему бульвару Дзержинского, вышел туда, где сейчас железнодорожный вокзал, сел на берегу речушки, разулся и сидит, уже вслух себя корит. А тут как раз проходил мимо студент того же техникума.

— Ты чего ругаешься?

— Да вот... ногу натер. Слушай, ты в город идешь?.. Ну, занеси тогда в редакцию «Ленинчил Жаш» вот эти бумаги. Понимаешь, не могу сам дойти, видишь, натер ботинком...

Вот так, наконец, попали стихи Тугельбая в редакцию. А через неделю пошли в колонне техникума на Первомайский парад... Демонстрации тогда были не такие, как сейчас: город был намного меньше и людей в нем тоже не так уж много — все помещались на площади перед трибунами. Демонстранты мимо трибун не проходили, как сейчас, — стояли все на площади, слушали выступления ораторов... Стоят на площади, а тут праздничные газеты принесли, раздают. Тугельбай весь сжался: «Напечатали его стихи или нет?» Вдруг слышит: «Смотрите, ребята у нас тоже свой поэт объявился. Тугельбай Сыдыкбеков. Гд он?..» А поэт стоял весь взмокший, пунцовый от подступившей радости и упорно смотрел вниз, боясь поднять глаза.

...Вот так начался писатель Тугельбай Сыдыкбеков. Тот Первомайский день 1930 года он запомнил на всю жизнь и вспоминает сейчас о нем с грустью: сейчас бы те годы и то здоровье!

Сколько творческих замыслов теснят друг друга, сколько еще надо успеть сделать!

Хотя, если говорить по правде, сделано не так уж мало. Мы стоим возле книжного шкафа и перебираем книги Сыдыкбекова.

Первый поэтический сборник «Куреш» («Борьба»), вышедший в 1933 году, еще через три года — второй сборник «Баатырлар» («Герои»), в 1933 году начал писать потихоньку роман «Кен-Су», закончил его в 1936. А потом, через двадцать лет, вышло второе издание романа, дополненное и переработанное, и уже под другим названием — «Среди гор». Это уже была дилогия. Она была переведена на многие языки страны и выдержала несколько изданий.

Поколение тридцатых годов помнит поэму «Ночной вестник» — о пограничниках и книгу «Шестеро из Ала-Тоо» — о знаменитом лыжном переходе Фрунзе — Москва, который совершили шестеро отважных. Этими книгами зачитывались, на них воспитывалась предвоенная молодежь...

В 1939 году писатель заканчивает свой следующий роман «Темир». В первый послевоенный год писатель закончил новый роман «Люди наших дней», за который ему в 1949 году была присуждена Государственная премия. Это произведение переведено почти на все языки союзных республик, а также на румынский, венгерский, чешский, словацкий, китайский, польский...

В 1952 году вышла одна из первых в Киргизии книг на детские темы — роман «Дети гор». Это произведение также широко известно на многих языках страны...

Можно было бы назвать триптих «Солнце и его дети», «Кекей Кести» и другие вещи писателя — просто придется их долго перечислять.

Сейчас Тугельбай приступает к работе над третьей книгой своей трилогии «Женщины», где будет прослежена жизнь и судьба киргизской женщины с дооктябрьского периода до наших дней.

А сколько еще замыслов только намечено, не дает писателю покоя, подгоняет...

Тугельбай Сыдыкбеков со своей неизменной открытой улыбкой сокрушенно разводит руками:

— Вот, все думаю, как бы перехитрить время. Мало его остается, но его все-таки можно обскакать. Торопиться надо и работать, работать...

И он поглаживает руками копну волос на голове — снежной белизны, такую же седую и уже вечнобелую, как снеговые шапки на вершинах родного Ала-Тоо...

■ **ЧАБАН-ПОСТ.** Рябиновый посох и перо — неразлучные спутники чабана Маштая. Я встретился с ним осенью на Сусамыре, где шел веселый праздник животноводов. Визжавшись на камень, он читал народу только что написанные стихи. Хотя было уже прохладно, Маштай беспрестанно вытирал пот со лба, и людям, стоящим у юрт, было видно, как над его открытой головой курился парок...

Хорошее время тогда было на Сусамыре! Каждый пригорок имел свой неповторимый цвет: один — ярко-зеленый, другой — отдавал голубизной, да так, что не отличишь от морского простора; третий — как алое полотнище. На ветру пригорки, покрытые цветами, очень напоминают волны Иссык-Куля, а белеющие вершины гор кажутся то буртами хлопка, то кучевыми облаками, то валами белой шерсти.

К вечеру развернулось веселье молодежи: девушки и парни качались на качелях, играли в кости, в жгутик, а звуки пастушеских песен, казалось, подхватывала весело журчащая речка Сусамырка. Вдруг луна, совсем недавно светившая ярко и чисто, будто чем-то обиженная, спряталась за облака. Пошел холодный дождь, потом полетели снежинки. В одно мгновение все изменилось: исчезли краски, горы посуровели...

И вот тут-то я увидел Маштая-чабана. Заботливого, нежного с ягнятами так же, как со стихами... Маштай принес в юрту мо-

лодых ягнят, а для тех, кому не хватило места, с женой быстро поставили палатку. Разожгли огонь, нагрели молока, замерзших ягнят поили через соску.

Маштай, озабоченный и взволнованный, не спал всю ночь. Жалобно блеющие ягнята тянулись к его рукам, чутким и заботливым. Это была обычная ночь, обычная рабочая ночь, каких у чабана столько же, сколько дней в году!

Утро выдалось ясным, с жаворонковым звоном. Из-за гор поднялось яркое солнце. К середине дня снег исчез бесследно и земля снова выглядела празднично.

...Две профессии Маштая не мешают одна другой. Как чабан он известен на всю республику. Не меньшая у него и поэтическая слава: вышло уже три сборника стихов на киргизском языке и несколько — на русском.

Однажды я сидел в гостях у друга, на дне рождения его ребенка. Маштай выступал по телевидению. Он прочитал свою «Колыбельную песню», и хозяевам показалось, что Маштай написал эти стихи специально для них, в честь их сына. Растроганная мать прошептала слово благодарности, будто Маштай мог слышать...

Счастлив поэт, если людям кажется, что он пишет стихи для них, угадывая их большие и малые праздники или их грустное настроение. В этом и есть самое дорогое признание его труда.

Маштай любит своих овец и песни, любит сажать деревья и разводить цветы... Зайди в любое время года к Маштаю — у него всегда пахнет цветами...

■ ЛОТОС — ЦВЕТОК МУДРОСТИ. Этот небольшой домик, расположенный на одной из улиц города Фрунзе, густо заселен: Алишер Навои, Абу Али Ибн Сина, Валерий Чкалов, генерал Панфилов, А. С. Пушкин, Герой Советского Союза Ташмамат Джумабаев, Тоголок Молдо, Владимир Маяковский, чабан из Тянь-Шаня Исмаил Джантаев, Токтогул, Муса Баетов — певец и акын, Леонардо да Винчи, Поль Робсон... Нет, их слишком много, чтобы взять вот так и перечислить. Бюсты, статуи, статуэтки, барельефы... И среди всего этого созвездия самых ярких людей Земли ходит небольшая седая женщина, очень живая и энергичная, — Ольга Максимилиановна Мануйлова, один из старейших советских

скульпторов, творческая жизнь которой прочно связана с киргизским горным краем.

Ольга Максимилиановна хорошо знала Владимира Маяковского, она училась с ним в одном художественном училище. Мануйлова лепила с натуры Викентия Викентиевича Вересаева, Ольгу Леонардовну Книппер-Чехову, Тоголока Молдо. Она была дружна с Е. П. Пешковой, женой Максима Горького, работала под ее руководством...

...Ходить с Мануйловой по ее мастерской — одно удовольствие: каждый бюст, каждая статуэтка имеют свою удивительную историю... Вот голова старика — первая работа скульптора в Киргизии. Было это еще в довоенные годы. Ольга Максимилиановна увидела на базаре интересного старика. Попросила его позировать, тот с удовольствием согласился. Собралась толпа, передние чуть не наваливались на плечи скульптору, стоял невообразимый галдеж. Пришлось уйти в чайхану, но и там сразу набилось полным-полно народу, и чайханщик, вопреки извечным обычаям, вынужден был попросить скульптора выйти на улицу...

Мануйлова была первым скульптором в Киргизии, до этого в горном крае не было мастеров ваяния. И вот вскоре вокруг Ольги Максимилиановны создается целая плеяда талантливых учеников, которые очень быстро стали выходить на самостоятельную дорогу... А старый мастер с энтузиазмом осваивал все новые и новые темы. Мануйлова изучает народный эпос «Манас», он ее захватывает настолько, что она создает цикл работ на эту тему: старожилы г. Фрунзе помнят группу всадников Манаса, которая обрамляла портал сцены старого оперного театра... Постепенно скульптуры Мануйловой вышли в скверы столицы Киргизии, а потом разошлись по всему горному краю.

Памятник Панфилову, бюст поэта Джоомарта Боконбаева, семь фигур на оперном театре — во Фрунзе, большой бюст панфиловца Героя Советского Союза Дуйшенкула Шопокова — в Сокулукском районе, бронзовый бюст дважды Героя Социалистического Труда Ф. Стрельниковой — в Аламединском районе,

громадная скульптура чабана с бараном — на Долонском перевале по дороге в Нарын, архары и орел возле музея Пржевальского, много других работ, к которым жители горного края привыкли, как к своим, родным.

Удивительная судьба некоторых работ Мануйловой. Она скорее всего продиктована неповторимой спецификой Киргизии... На вершине пика Поля Робсона установлен... бюст. В 1949 году, когда расисты готовили покушение на жизнь певца негритянской Америки, Ольга Максимилиановна вылепила бюст Робсона, а ее друзья-альпинисты под командой заслуженного мастера спорта В. Рацека совершили восхождение на пик и установили там бюст. Эту новость газеты сразу разнесли по всему миру. На высочайших вершинах установлены и некоторые другие работы Ольги Максимилиановны.

В самом начале мы говорили о том, что трудно перечислить все работы талантливого ваятеля... Если кто ранее посещал Выс-

тавку достижений народного хозяйства в Москве, то тот не мог не обратить внимания на то, как выполнен павильон Узбекской ССР,— это одна из самых крупных работ Мануйловой. К сожалению, после реконструкции многие работы были убраны, осталась лишь их небольшая часть.

В домике на тихой фрунзенской улице становится с каждым годом все теснее — здесь поселяются все новые и новые интересные люди.

С высоты шкафа грациозно улыбается богиня Sarasvati, держа в руке цветок распускающегося лотоса. Застывшая красота мягких линий юного женского тела. Богиня плодородия. Когда смотришь на цветок лотоса в руке богини, думаешь о том, сколько мудрой красоты несет людям щедрый талант Ольги Максимилиановны, который сеет в душах людей разумное, доброе, вечное, которое потом прорастает и распускается, как цветок лотоса... И ведь не только своими скульптурами, но и сама она,

умный и добрый человек, нужна людям, и они к ней тянутся. Шестиклассницы приглашают ее на свой «Огонек», и она идет, откладывая незаконченную работу. Приходят неожиданно тихие ребята и просят помочь им сделать ракету, стучатся и заходят, не вытирая ног у порога, еще трое мальчуганов — требуют глину, чтоб слепить архара, «такого, как у вас», — и она дает им глину и лепит вместе с ними архара... Она понимает, что если с самого детства человек прикоснется или хоть как-то приобщится к миру искусства, то вырастет потом хороший, добрый человек. Потому она и идет на каждый «огонек».

...Это щедрая красота, щедрый талант. Человеческий.

СКАЗКА СТАРОГО РОГА. Он мечтает о хорошем куске слоновой кости — плотной, тяжелой кости, из которой можно фигуры резать, на которой можно разместить джайлоо, горы с архарами и снежными барсами, чабана с отарой, показать, как кумыс пьют, барана режут и бешбармак едят, чай пьют, на комузе играют... У него глаза загораются, когда он представляет, что бы он вырезал из хорошего куска кости — плотной, тяжелой кости.

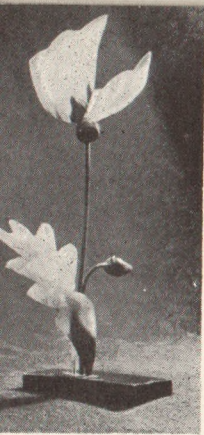
На первый взгляд эта мечта Мусы Джоробаева кажется довольно-таки странной. Что ж, может быть! Но тогда скажите, почему не кажется странной мечта скрипача об инструменте работы Страдивари или мечта художника о красках — вечных, светящихся, необыкновенных, ярких, сочных. Да, это искусство, это — для человека; но об этом мечтает и Муса Джоробаев, искуснейший резчик по кости. Посмотрите его фигурки — легкие, изящные, будто из сказки.

Этот человек счастлив тем, что он может обыкновенный кусок кости или обломок рога оживить, превратить в милые, дружелюбные человеку существа: цветок, голубя, рыбу, замершую в осоке... Этот человек счастлив тем, что он не только умеет видеть прекрасное, но и передавать его людям... В Киргизии резьба по кости не была так развита, как, скажем, у индийцев, китайцев или народов Севера, но тем не менее издавна луку седла порой украшала голова тигра или коня, многие аксакалы носили чакчу — роговую коробочку для насвая...

В роду Музы Джоробаева не было резчиков по кости, да и сам он не думал, что станет мастером этого дела. Просто с детства у него была сильно развита потребность что-то рисовать, лепить, вырезать. Он все время мечтал заняться настоящей работой, и вот в 1956 году его взяли в только что открывшийся тогда косторезный цех Горпромбыткомбината. Основывал его Тургунбай Амантаев. Он пригласил из Алма-Аты резчика Соловьева. В течение двадцати дней Соловьев учил начинающих, а потом они стали работать самостоятельно.

Если кто-нибудь внимательно присматривался к естественной раскраске рога, то мог заметить причудливое сочетание разнообразных оттенков и узоров. Если их еще умело подобрать, то можно получить совершенно неожиданную гамму. Эта неожиданность как раз и является необходимым условием в любой творческой работе...

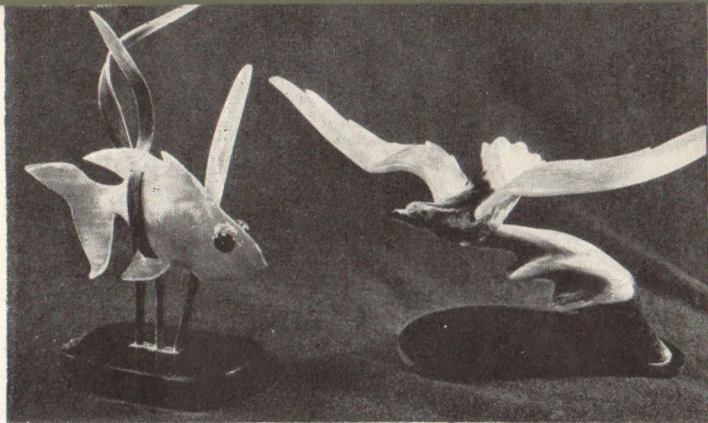
Но прежде чем перейти к чисто художественной части работы, надо проделать черновую, довольно трудоемкую и далеко не эстетическую. Сперва рог разрезают на циркулярной пиле, потом разогревают для того, чтобы он начал «раскрываться». Пластинку размягченного рога кладут под пресс, потом на шаблонах делают раскройку, а это очень тонкая и умелая работа. Потом — обдирка на наждаке, после нее — полировка пылью жженого кирпича до зеркального блеска. И уже после этого над отполированными пластинками начинается священнодействие.

...Надо уметь «видеть» материал, представить будущие фигуры, чтоб заранее предвидеть, «что» на «что» пойдет, чтоб ожили пластинки, вырисовываясь в белоснежный ландыш, корзиночку нежного мака, в насторожившуюся горную индейку-улару, хрупкую незабудку. Роговая пластинка должна стать и нежной, и хрупкой, и «насторожившейся», и хищной, как клюв орла. Ее надо уметь «угадать», для того чтобы потом вдохнуть в нее жизнь. Это искусство.

Понятны доверительные слова Мусы Джоробаева:

— Понимаешь, бывает так — сделаешь вещь и сдавать не хочется. Любуешься, с одной стороны посмотришь, с другой...

За это время Муса в цехе сувениров обучил костяному делу группу ребят — Сагалы Керимакунова, Мухамеджана Бейшеналиева, Хамида Карабаева, Юрия Лабинского и других способных парней, ставших самостоятельными мастерами. Правда, сейчас в быт все более вторгается пластмасса. Конечно, все хорошо у пластмассы, но нет одного — своей естественной расцветки и

узора. Можно, конечно, подрисовать и даже очень удачно, но это будет, все-таки изделие из пластмассы — без души, без дыхания.

Муса Джоробаев мечтает о том, чтобы в республике по-настоящему развернулась резьба по кости. Несмотря на наш космический и кибернетический век, все большую популярность приобретает прикладное искусство. Так оно и должно быть — без искусства нет человеку жизни.

Но почему изделия киргизских резчиков по кости не могут пользоваться в мире такой же популярностью, как, скажем, русские матрешки?.. Это древнее искусство, к сожалению, недооценивается многими, но у него, несмотря ни на что, большое будущее.

В этом Муса Джоробаев уверен. Об этом он мечтает.

■ **РОДСТВО.** Как-то мне пришлось слышать любопытную историю о русском мальчике Алеше Журавлеве. Совершенно неожиданно обнаружилось, что Алексей — талантливый манасчи. И что интересно, рассказывает он киргизский эпос в классическом стиле, владея всеми приемами старых сказителей. Блестяще зная киргизский язык, мальчик довольно плохо говорил по-русски. Когда Алешу спросили, кто же он по национальности, мальчик, не задумываясь, ответил: «Киргиз».

...Эта история вспомнилась мне, когда я разговаривал с талантливым этнографом Клавдией Ивановной Антипиной. Скажу по

секрету: Клавдия Ивановна — хранительница богатств, которые она по крупницам собирала в течение многих лет.

Киргизский ковер ширдак! Кто не знаком с этим, совершенно неповторимым, рукоделием талантливых киргизских мастериц, рукоделием, идущим из далеких глубин прошлого и вобравшим в себя щедрый талант народа. Практически невозможно подсчитать, сколько существует ковровых рисунков — их столько же, сколько мастериц, изготавливающих эти маленькие шедевры. Ширдак делал юрту праздничной, особенно в сочетании с настенными коврами — тушкийизами. Убери ковер — и все померкнет, станет серым и скучным.

У киргизов не было живописи, картин, которые можно было вывешивать, и киргизы делали все свои вещи своеобразными произведениями искусства, накладывая на них яркие, неповторимые узоры, стараясь сделать нарядным свое жилище, одежду, предметы обихода. Этим объясняется поразительное по богатству и разнообразию прикладное искусство, в котором нашли отражение и тонкий художнический вкус и широкая, щедрая душа самобытного народа.

...Клавдия Ивановна достает большую зеленую папку и бережно вынимает многокрасочные рисунки ковров. Ковер-ширдак тьянь-шаньский — классический, строгий, сохранивший в себе талантливую простоту рисунка и благородную экономность цветовых отношений. Ширдак иссык-кульский — с тонким рисунком-узором, положенным на безбрежно синий цвет, позаимствованный у красавца-озера. Ширдак токтогульский... Каждый новый рисунок неповторим и своеобразен не только по узору, но и по цветовым соотношениям. И это вовсе не потому, что мастерицы хранят, берегут свои секреты, как раз наоборот — они всегда работают на виду, и каждая женщина считает своим долгом подойти и положить хотя бы один стежок. Больше того, и узор и цветовые соотношения будущего ковра обсуждаются сообща, так что оригинальность каждого нового ковра — в коллективности и широкой «гласности» работы над ним.

...Вот уж который год каждое лето выезжает Клавдия Ивановна в свои «ковровые» экспедиции. Трудно подсчитать, сколько домов и юрт она обошла, со сколькими людьми переговорила. Многолетние наблюдения легли в основу интереснейшей книги «Особенности материальной культуры и прикладного искусства южных киргизов». Статьи, монографии... Но этого еще очень мало, это — пока еще начало большой работы... Поэтому каждая новая поездка — это всегда открытие чего-то нового, и не только открытие, но и сохранение того, что открыто.

— Надо как следует изучить прошлое народа. Ушел кочевой уклад жизни, уходит и сопутствовавшая ему материальная культура. Нужно воссоздать все и сохранить полезное и доброе в традициях народа. Все ведь это давалось трудно — ткачество или войлок валять...

Клавдия Ивановна на секунду задумывается, а потом продолжает убежденно:

— Долг этнографа — не пройти мимо. Увидеть, запомнить и записать, потому что богатство, создававшееся веками, может исчезнуть бесследно. Сохранить народное искусство, поддержать, помочь...

Что ж, может быть, элементы прикладного искусства будут приняты на вооружение современной промышленностью, но ведь эти элементы еще надо сохранить! А потом современная промышленность, несмотря на свое совершенство, к сожалению, во мно-

гом еще не в состоянии использовать элементы народного рукоделия: его, как и всякое настоящее искусство, нельзя освоить ни серийно, ни поточно. И может быть именно поэтому сейчас, в век бурного технического взлета, во всем мире все больше пробуждается пристальный интерес к прикладному искусству — самобытному, неповторимому, притягательному своей оригинальностью.

Как и всякий человек, увлеченный своим делом, Клавдия Ивановна, забывая все на свете, достает все новые папки. В ковровые рисунки и узоры она просто влюблена и о каждом из них готова рассказывать удивительные истории, порой незаметно для самой себя переходя на киргизский язык. Видимо, потому, что другими словами не скажешь... Именно тогда, когда мы разговаривали с Клавдией Ивановной Антипиной, я и вспомнил любопытную историю о мальчишке-манасчи Алеше Журавлеве...

■ ЛАСТОЧКИНО ГНЕЗДО. — Вы, конечно, видели, как лепит ласточка свое гнездо? Мне почему-то с детства запала в память эта картина: берет ласточка в клюв комочек глины, соломинку, взлетит, «приклеит» — и снова вниз. Я старался заметить, как она начинает лепить, для этого залазил на соседнее дерево, на крышу и наблюдал. А она сперва делает круглое основание гнезда, потом наращивает стенки, как будто корзинку плетет... Я еще с детства собирался сделать что-нибудь похожее: лепил из глины, перемешанной с соломой, ласточкино гнездо, и надо сказать, что у меня всегда получалось хуже, чем у этой птицы.

...Пожилой человек, с густо набежавшей на виски сединой, как-то виновато улыбается, будто извиняется за эти неожиданно нахлынувшие впечатления детства. В молодости он учился в музыкальном училище, ходил вольнослушателем в художественное училище, лепил из глины, рисовал, пробовал работать по дереву — вырезал детские игрушки... Но как-то так получилось, что он не смог идти по близкой его сердцу дороге искусства. Жизнь толкнула на другой путь, может быть, вынужденный, потому что не у всякого получается так, как ему бы хотелось.

Он освоил профессию газосварщика и потом тринадцать лет работал в Казахстане. В 1956 году переехал во Фрунзе. В трол-

лейбусном парке Э. Г. Гофмана уважали и ценили за добросовестную и качественную работу, но никто не подозревал, что опытный и исполнительный сварщик, уловив минуту, колдует потихоньку у себя в уголке над вещами, весьма далекими от поломанных деталей троллейбусов.

— У меня все не выходила из головы запавшая с детства идея попробовать лепить из какого-нибудь необыкновенного материала. И я решил лепить из ... металла.

Сперва Гофман задумал сделать фигуру чабана с собакой. Необыкновенным материалом стал электрод, который при температуре вольтовой дуги становится мягким, как глина. Но эта «глина» мгновенно застывала, и потом было почти невозможно убрать неправильно положенный наплыв, «стереть» не так положенный «мазок».

Все-таки первый опыт удался — получалась оригинальная скульптурная группа. Она экспонировалась на одной из выставок, но потом, к сожалению, куда-то исчезла.

Ободренный мастер решил пойти дальше — «вылепить» из металла автопортрет: позировать ему все равно никто не стал бы, только бы посмеялись. Да и потом все это делалось урывками — в обеденное время или в редкую свободную минуту. Гофман принес из дому зеркало. Тщательно ощупывал, осматривал свое лицо, делал замеры носа, подбородка, ушей... И начал потихоньку.

Шестимиллиметровой проволокой измерил шею — получился неправильный круг с выступами мускулов. (Примерно так же начала и ласточка строить свое гнездо). Потом на этот проволоочный круг-основание стал наплавлять металл, начал «лепить» шею, подбородок, скулы, щеки, глаза, уши и т. д.

Не стоит говорить о том, каким виртуозным мастерством сварщика надо владеть, чтоб получился гладким, скажем, лоб или подбородок, чтоб вылепить глаза... И еще: один шов незаметно должен переходить в другой, быть, как говорят, «пластическим». Следовало также видеть линии портрета. А что увидишь сквозь темное стекло — только ослепительно яркую вспышку вольтовой дуги в месте контакта электрода со скульптурой...

Хочется сказать еще об одной, может быть, несущественной детали. Автопортрет получился, и очень «похожий», но «похожий» больше на молодого Гофмана, на того, который смотрит со старых фотографий. Может быть, работая над любимым дети-

щем, мастер хотел привнести в него черты своей молодости, когда лицо прекрасно уже тем, что оно молодо, а может, этому способствовали еще и стойкие впечатления детства, неотступно преследующие художника всю жизнь.

Когда скульптура была готова, Гофман показал ее своему соседу-кузнецу. Тот долго смотрел на нее, а потом все-таки сказал:

— Слушай, неужели только из-за этого ты портил себе глаза и глотал дым? Не обижайся, но у тебя, однако, не все дома...

Мастер только улыбнулся... А потом пошел к главному инженеру и положил перед ним бумажку с цифрами, где было точно высчитано количество электроэнергии, затраченное им на «непроизводственные цели». Он хотел, чтобы совесть его была спокойна, он предлагал вернуть деньги, таким образом взятые у государства. Главный инженер недоуменно пожал плечами и попросил показать работу... Потом долго отчитывал Гофмана за то, что тот не сказал ему об этом раньше: «Да мы бы тебе условия создали, чудака ты этакий»...

Мастер молчал. Трудно ему было объяснить, что это он мог делать только в одиночку, чтоб никто ему не мешал неосторожно сказанным словом. Такое делается в одиночку.

...Сейчас Э. Г. Гофман работает в сувенирном цехе Художественного фонда. И порой втихомолку ругает себя за то, что расстался со сваркой. А ведь какой это строгий и мужественный материал! Им бы «лепить» скульптуры космонавтов, героев войны, ученых, запускающих в космос корабли! Ругает себя за то, что так рано расстался со сваркой: и глаз еще точный и рука твердая, а самое главное — он так и не осуществил мечту своего детства.

■ ЗОЛОТОЙ ФОНД. В редакции самой юной газеты «Кыргызстан пионеры» работает молодой журналист Буудайбек, человек, страстно влюбленный в народную киргизскую музыку. Вот уже несколько лет он записывает ее, чтобы сохранить для потомков.

Однажды Буудайбек сидел в гостях у знаменитого музыканта Карамолдо Орозова и слушал его певучий комуз. Карамолдо играл кюй — наигрыш, которому научился у великого Токтогула. Закончив пьесу, он задумался, потом, отложив комуз, рассказал о встрече с учителем:

— Свиделись мы с ним в Филармонии. Прослушав несколько моих вещей, он, улыбаясь, сказал:

— Бессчетно богат наш народ! Оказывается, в нашей долине — чудесные песни, а у вас — наигрыши. Хорошо бы нам обмениваться своими богатствами. Сыграй-ка, сынок, еще...

Вот тогда-то и мелькнула у Буудайбека мысль записать и сохранить бесценные сокровища народной музыки. Его никто не заставлял взваливать себе на плечи такое хлопотное дело, он действовал по велению сердца.

Буудайбеку удалось записать лишь часть созданного Карамолдо: знаменитый музыкант вскоре скончался, унеся с собой чудесные мелодии.

Но молодой журналист самоотверженно продолжал начатое дело: разыскивал сам, расспрашивал людей о народных талантах, тратил небольшие свои деньги на пленку. Более ста мелодий записал Буудайбек от колхозника Эркесары из Таласа. Через некоторое время он был в командировке на другом конце республики — в Кочкорке, где жил престарелый музыкант Самсалы Алике-уулу, известный всему Тянь-Шаню. Буудайбек привез его во Фрунзе и в течение трех дней записал на магнитофоне свыше

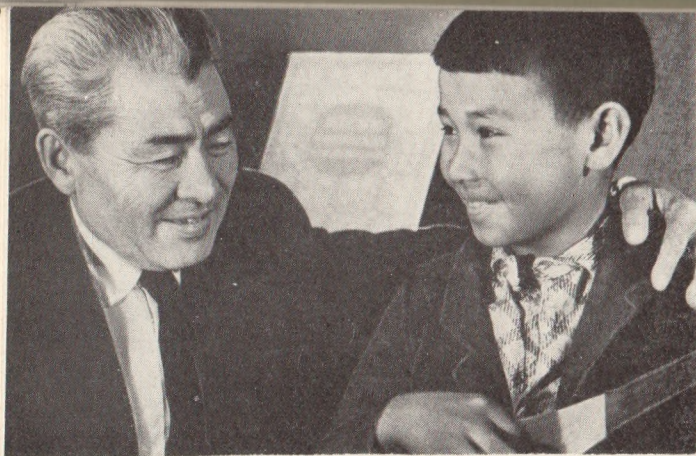
ста кюев. Буудайбек с трудом разыскал престарелых учеников Токтогула Барпы Сарпекова и Кулмата Асанбаева. И вот результат — несколько кассет магнитофонной ленты с их наигрышами.

Недавно, услышав о Датке Шаке-уулу, он пригласил его во Фрунзе. В редакции Датка сказал, что он впервые видит Фрунзе и впервые летел на самолете. А потом добавил:

— Буудайбек, сынок, можешь меня поздравить — у меня родился сын.

Буудайбек записал у него несколько новых мелодий.

Более тридцати лет тому назад музыковед А. Затаевич, выпустив сборник «250 киргизских инструментальных пьес и напевов», положил начало созданию золотого фонда киргизской народной музыки. Славное его дело продолжает Буудайбек. За пять последних лет он вложил в этот фонд более тысячи наигрышей. Более тысячи произведений народного гения сохранены для будущего!

■ **ВНУК ТОКТОГУЛА.** Наигрыш комуза... Нехитрый инструмент, а когда люди слушали великих комузистов Токтогула, Карамолдо, Атая, то им казалось, что комуз поет соловьем, в нем слышались трели жаворонка, шум набежавшей на берег волны Иссык-Куля, звон ветра в синих ветвях арчи, радостное воркование матери, ласкающей первенца...

Но нам хотелось бы рассказать не об истории комуза или игре великих мастеров, а о мальчике Молдожане, внуке соловья нашего народа Токтогула. Ему недавно исполнилось десять лет, он вступил в пионеры. Обыкновенный мальчик — темноволосый, с родимым пятном на губе.

Необыкновенна в нем только ранняя тяга к музыке. Трехлетним карапузом он уже наигрывал на губной гармошке народные мелодии, и люди одобрительно кивали:

— Играй, сынок, играй!

С «сольным концертом» Молдожан выступил в пятилетнем возрасте. На районном смотре художественной самодеятельности он исполнял наигрыши своего деда... Его допустили на областной, а потом на республиканский смотры.

Когда со сцены театра оперы и балета объявили о самом маленьком, самом юном участнике концерта Молдожане Токтогулове, зал притих. Люди слушали и перешептывались:

— В деда пошел. Играй, сынок, играй!

Молдожан не стал чудо-ребенком, знаменитостью, вундеркиндом. Он — простой школьник, неплохо учится. А в свободное

время выступает во Дворце пионеров, в летних лагерях. В последнее время начал сочинять свои наигрыши. Композитор народный артист СССР Абдылас Малдыбаев сказал о нем:

— Удивляет, что десятилетний мальчик не только отлично исполняет готовые произведения, но и сам создает вполне профессиональные музыкальные вещи.

Особенный успех Молдожан имел на праздновании столетнего юбилея своего деда — Токтогула Сатылганова, когда он исполнял его классические наигрыши. Восторженные слушатели подбадривали молодого музыканта:

— Играй, сынок, играй!

■ **ЧЕТЫРЕ ВРЕМЕНИ ГОДА.** Не правда ли, трудно встретить на земле такое место, где бы в одно и то же время можно было наблюдать все четыре времени года? А в Киргизии найдешь его. Для этого надо поехать на юг Иссык-Куля, в село Тосор.

...Был конец июля. Мы сидели под спелой урючиной с Шамши Алиевым, преподавателем местной школы, и записывали на

магнитофон птичью трель... Вдруг Шамши встал и крикнул кому-то:

— Молодчина, Шайлообай, прибыл! Есть ли кумыс?

Я увидел старого знакомого, подъехавшего на лошади. Шайлообай снял с луки седла два чанача и подошел к нам.

— Четыре часа был в дороге, так сильно качало, что кумыс взбило, он стал медовым!

Шайлообай разлил напиток по пиалам.

— Ой, забыл! — сказал вдруг старик и заторопился к лошади. Вернулся с большим букетом и торжественно вручил нам.

— Ничего удивительного нет, — будто угадав мои мысли, сказал Шамши, — я могу в один час показать все четыре времени года. Пейте кумыс и отдыхайте, завтра приготовлю лошадей, и мы будем там, где вы увидите весну, лето, осень и снег.

...Встали на рассвете. С вечера приготовили фотоаппараты, наполнили авторучки чернилами, достали блокноты.

Когда утвердились в седлах и разобрали поводья, Шамши поднял указательный палец.

— Начали считать. Сейчас июль, лето. Раз! — и он загнул один палец.

Мы согласились, что раз июль, то это лето, и кучной группой выехали со двора.

Лошади, гремя уздечки, бодро шли по сухой дороге. Миновав мост через сине-белую горную речушку, мы увидели людей на току, которые чистили пшеницу.

— Это осень! — Шамши загнул второй палец.

Заведующий током сказал, что не отступит от нас, пока мы не пообедаем с ними. Сели обедать — в десять часов утра! Разморенные, огрузневшие, еле выехали оттуда, оставив плащи и курджуны и пообещав вернуться. Проехали два пригорка и увидели лед и снег на вершинах гор, которые так ярко переливались под солнцем, что на них было больно смотреть.

— Вот подснежники. Они только проснулись, а лепестки уже тянутся к солнцу. Нравятся?

Я молчал, было понятно и без лекции Шамши, какое здесь время года.

Поднялись выше. Набежала тучка и брызнул дождик.

...Еще горка, еще подъем. Дождь перешел в снег, и все вокруг будто прикрыли белой скатертью. Дохнул колючий ветер. Мы поежились, вспомнили легкомысленно оставленные плащи и дружно завернули лошадей.

Подъезжая к току, Шамши нарвал букет маков. Потом вдруг откуда-то достал снежок, который, видно, слепил в горах, когда «показывал» зиму. За ним вдалеке виднелись зеленые пригорки, а за пригорками — белые головки мака, как невесты в белом, как хорошие стихи, воспевающие красоту жизни...

В ТРЕХ ШАГАХ ОТ ЛЕДНИКА. В студенческие годы был у меня друг с географического факультета. Каждое лето он исчезал, возвращался осенью и часто не успевал к началу занятий, приезжал где-то в октябре — бородатый, черный от какого-то необычайного по колеру и крепости загара. Я его фотографировал, потом мы вели его в парихмахерскую, где он оставлял свою роскошную бороду. И только приняв цивилизованный вид, друг рассказывал, на каком именно леднике он «сидел» это лето. За пять лет он побывал на ледниках Памира, Тянь-Шаня, но все равно этого ему казалось мало. Он с нетерпением ожидал весны, загодя принимался осматривать, чинить бесчисленные рюкзаки, рыскал по магазинам в поисках каких-то особенных солнцезащитных очков, пляжных козырьков от солнца... И внезапно исчезал до осени.

Из его скупых рассказов я знал, что живут они в палатках прямо на льду, чуть ли не круглые сутки ходят проверять показания всевозможных приборов, расставленных на леднике. По правилам техники безопасности им там положено ходить вдвоем, обвязавшись веревкой, потому что в многометровом льду есть глубокие трещины, чуть припорошенные снегом. Провалишься туда — и или разобьешься при падении, или замерзнешь, если вовремя не вытащат. Случаи такие бывали... Когда я спрашивал, что они там делают все лето, он односложно отвечал: «Делаем замеры».

Эти люди — фанатики. Думаю, что им в будние дни снятся снега и метели, а по праздничным — ледник Федченко. У них всегда рюкзаки наготове, они всегда с тоской смотрят на горы, считая постоянную городскую прописку временной.

Я не знаю, где сейчас мой университетский товарищ, может, собирается в какой-нибудь новый маршрут или уже распаковывает рюкзаки на каком-нибудь уютном поднебесном ледничке...

И когда мне представилась возможность поехать на физико-географическую станцию, я, честно говоря, где-то лелеял надежду, если не встретить его, то во всяком случае узнать о нем у бородатых ученых.

...На южном берегу Иссык-Куля, примерно в пятидесяти километрах от Пржевальска, есть село Покровка. Здесь — одна из перевалочных баз киргизских гляциологов. У них тут свой хозяйственный двор, стоят верховые кони. Если взгромоздиться на выносливую лошадку киргизской породы и поехать вверх по ще-

ли, то за полдня можно добраться до физико-географической станции Чон Кызыл-Су, что в переводе означает «Большая красная вода». Название свое станция получила, видимо, от реки, цвет воды которой бывает иногда желтовато-бурым.

По щели можно проехать только верхом, и то на лошадях, привыкших к горам. Тропа то круто взбирается, то почти отвесно падает, лошадь торопить не надо — она идет в размеренном ритме, спокойно обходит камни, свалившиеся на тропу, пробирается по самой кромке пропасти, на дне которой где-то внизу шумит «красная вода». Чем выше в горы, тем чаще встречаются голубые тянь-шаньские ели с тяжелой игольчатой бахромой, свисающей с широких лап. Ели огромные, попадают экземпляры высотой до шестидесяти метров. И очень красивые...

Физико-географическая станция расположена в зоне высокогорных альпийских лугов — будто соткали огромный яркий ковер и щедро бросили под ноги. Идти по нему даже как-то неловко, ловишь себя на мысли, что хочется слезть с лошади и тщательно вытереть ноги... Если кто никогда не видел альпийских цветов,

то пусть представит себе радугу, густо рассыпавшуюся по высокой и сочной траве. Рвать цветы бесполезно: они прямо на глазах вянут и блекнут. Разговаривать тоже просто кощунственно: слова, как сорванные цветы, блекнут и вянут, вызывая легкое раздражение. Смотри, человек, вокруг себя и молчи, дыши — такое нигде не увидишь! Станция открылась как-то не сразу — с приборами для замера направления ветра, с поднятыми на высоких подставках крытыми решетчатыми ящиками, где стоят термометры для «замера температуры воздуха» и другие приборы, которые тоже что-то «замеряют». Здесь все измеряют и замеряют и цифры заносят в специальные журналы... Над «Красной речкой», которая проносится здесь с грохотом, волоча здоровенные камни, натянуты канаты, по которым ходит подвешенная люлька. С этой люльки делают опять-таки «замеры» скорости воды, ее уровня и прочих показателей. Речка неширокая — метров десять, и глубина ее — по грудь, а перейти даже лошадь не может: закрутит, завертит и понесет вместе с валунами...

Недалеко от станции, можно сказать, под боком, начинается ледник, и уже здесь ощущается его колющее дыхание. На леднике под прямыми обжигающими лучами солнца ходят люди в солнцезащитных очках, в плавках и тяжелых альпинистских бутсах — тоже «замеряют». Загар здесь ложится густо, через день-два человек становится темно-шоколадного цвета. Но если спуститься вниз, то там загар почему-то очень быстро сходит.

Я вспомнил слова своего товарища: «Делаем замеры». И, честно говоря, на первый взгляд кажется, что занятие людей, одержимых идеей «все замерять», — пустое занятие.

Но потом при более тщательном проникновении в суть их работы, начал понимать, что значат эти исследования, если их собрать и систематизировать. Многие реки Киргизии, сбегаящие с гор, питаются ледниками и снегом, и поэтому очень важно знать режим таяния их источников питания. Эти результаты необходимы для определения водного баланса республики, а это в свою очередь имеет прямое отношение к земледелию, к урожаю. Я назвал здесь только одну из проблем, над которой рабо-

тают ученые, а сколько их еще, увлекательных, фантастических!

Здесь перевалочная база и другого бродячего народа — геологов. Ходят они, рассматривают, «выслушивают» породы, таскают в рюкзаках тяжелые образцы... И палит их солнце, и жжет холод, льется на них дождь и валится снег на голову, подстерегают их лавины или просто сорвавшийся сверху камень, а они ходят, рассматривают, «выслушивают» тайну запрятанных в горах сокровищ... А на ледник каждое лето высаживаются десанты студентов-практикантов из Фрунзе, Саратова, Ленинграда... Ставят на льду палатки, распаковывают рюкзаки и все лето мерзнут, сгорают под беспощадным солнцем, дышат разряженным воздухом, едят концентраты и консервы... Фанатики. Веселый народ, на всю жизнь заразившийся горами. Без них они скучнеют, вздыхают и только ждут «путины».

Путина — от слова путь, и у каждого человека разные жизненные пути и путина разная. И все-таки жизнь этих людей я назвал бы одним словом — путина. Хорошо бы измерять прожитую человеком жизнь количеством и качеством километров, которые «намотал» его «спидометр». Идущий человек останавливается для того, чтобы передохнуть и зорче все видеть, он ценит радости жизни, а больше всего — дружбу и товарищество, потому что они для него так же необходимы, как веревка, которой связываются альпинисты при восхождении на трудный пик...

Мы уезжали со станции под вечер. Солнце еще не коснулось вершук голубых тянь-шаньских елей. Было тихо и торжественно...

■ **ОХОТА С БЕРКУТОМ.** Существует в народе полузабытая сейчас легенда. У старого охотника жил беркут. Сильная птица была ему не только другом, но и кормилицей. Черной молнией она падала на волка, лисицу, зайца и в коротком единоборстве, пуская в ход стальной клюв и когти, всегда одерживала верх... Но настало лихое время, когда, будто сговорившись, исчезли зайцы и лисицы, даже сурки и те куда-то попрятались.

Постарел и ослаб охотник-беркутчи. Совсем стало плохо. Сколько ни выезжали на промысел человек и его друг — возвращались с пустыми руками. Охотник даже и не снимал с головы птицы колпачок — все равно дичи не было. И вот однажды, совсем отчаявшись, решил он попытать удачу — запустить беркута: может, где разглядит добычу. Взмыла ввысь голодная птица, сделала один круг, второй и вдруг, подобрав крылья, тяжелым кам-

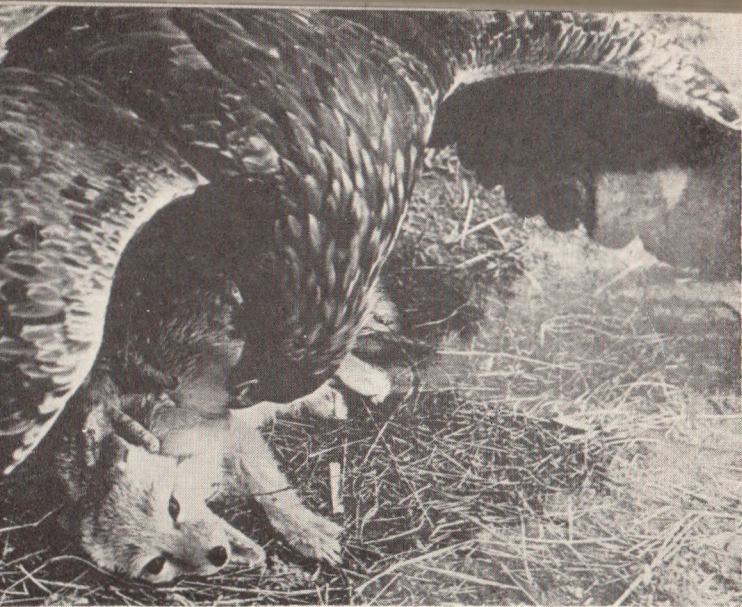

нем упала на ... хозяина, потому что безжизненными были горы и только маленькая фигурка охотника передвигалась в этом мертвом царстве. Беркут принял человека за добычу, на которую надо стремительно ударить сверху и рвать когтями и стальным клювом...

Опытный охотник отбилсЯ от разъяренной птицы, поймав ее рукой, одетой в специальную рукавицу. «Может быть, ошибся мой крылатый друг?» — подумал старик и снова запустил в небо беркута. Набрал он высоту, и не успел охотник придти в себя, как вновь на него свалился тяжелый комок... Упорно бились друг с другом охотник и его обезумевший беркут. Охотник осилил птицу, задушил ее в своих слабеющих руках, но беркут все-таки успел рвануть когтями по глазам беркутчи.

...Среди нагромождения раскаленных на солнце скал стояла беспомощная фигурка ослепшего беркутчи, сжимающего в руке горло мертвой птицы.

Эта старая грустная легенда, которую еще кое-где рассказывают в народе.

А вообще-то охотой с беркутом занимаются чуть не в каждом аиле. Старые охотники говорят, что когда тренируешь беркута а особенно охотишься с ним, то отдыхаешь, молодеешь душой. И так-то легко приручить гордую и вольную птицу. Здесь надо знать все тонкости «орлиного характера» и никогда не обижать ее даже в самом малом. И если она проникнется к человеку доверием, то это будет сильный и надежный друг, на которого всегда можно положиться.

Когда встречаешь в горах всадника с беркутом, то поневоле останавливаешься и долго смотришь вслед, пока они не скроются за поворотом скалы, и ждешь потом не дожدهшься увидеть беркута «в деле». И как всегда бывает — увидишь все это неожиданно. Промелькнет мимо тебя лиса рыжей молнией, ты торопливо задерешь голову и только на какое-то мгновение успеешь проглядеть идущего в стремительном «пике» сжавшегося в комок беркута. Где-то рядом услышишь торопливую дробь копыт лошади, на которой мчится к месту схватки опьяненный охотничьим азартом беркутчи. И потом все затихает. Если и встретишь охотника — все та же неторопливая рысь коня, каменное, невозмутимое лицо, нахохлившаяся птица с нахлобученным на глаза ко-

жаным колпачком. И только безжизненная лисица, привязанная к торокам, расскажет об удачливой охоте.

Но не только в горах вы можете встретить беркутчи. Как-то на Октябрьском параде прошли на скакунах невозмутимые беркутчи со своими могучими птицами. Заволновалась праздничная площадь — люди старались через головы впереди стоящих рассматривать, сколько звериных шкурок приторочено у добычливых охотников. Вскрапывали лошади, мерно раскачивались у хозяев на руке, опертой на специальную подставку, могучие горные птицы, не обращая никакого внимания на восторженный рокот празднично одетой толпы.

Охота с беркутами — древняя охота, но солидной промысловой статьей она не является. Это объяснимо: очень трудно добыть в гнезде птенца, нужны годы кропотливого, спокойного и настойчивого труда, чтобы обучить его, многие охотничьи угодья стали заповедными, а в остальных зверя меньше, да и он напуган, а потому уходит все выше в горы, где промыслять беркутам намного труднее. Но и при всех этих, вполне понятных, препонах, охота с беркутом все-таки существует в силу своей необыкновенной азартности. Здесь, действительно, и дышится легче, и жарче овь бросается в виски, и человек, забывая все на свете, будто иподнимается над самим собой на ту высоту, с которой уходит из в красивом молниеносном полете его крылатый помощник. Молодсет душой человек!

КУМЫС. Это не легенда, а что ни на есть самый реальный акт. Жил в аиле Бюлели аксакал Баялы. Родился он в позаюшлом столетии и погиб от пули басмачей после гражданской чны. Рассказывают также, что младшему сыну Баялы 97 лет го он жив-здоров и сейчас.

Баялы мог делать такой кумыс, от которого люди выздоравли. Мы не ошиблись, когда сказали, что Баялы мог «делать» кумыс. Это тонкое и сложное искусство. Люди описали почти все сорта дикорастущих трав, которые встречаются в Киргизии, но одно дело описать, другое — знать их свойства. Охотники, например, наблюдали, что раненные или больные звери (и отнюдь не травоядные) ищут какие-то только им известные растения.

Поедая их, они исцеляются. Это, так сказать, «звериная медицина», которая передается от одного звериного поколения другому.

Разговор об этом мы начали потому, что секрет Баялы был, очевидно, в том, что он знал, где пасти кобыл, знал тайны горного разнотравья, потому кумыс, который он изготавливал из молока своих кобылиц, был целебным. Обычно киргизы пьют кумыс только летом, считая, что зимой он не «тот», непитателен. Баялы заготавливал кумыс на зиму: замораживал его в сабе — большом сосуде из выделанной кожи. В суровые зимние дни Баялы откалывал кусочки кумыса, и когда он таял, юрта наполнялась душистым запахом горных цветов...

Этот богатырский напиток у киргизов известен давно. О кумысе есть упоминания в эпосе «Манас», в различных произведе-

ниях фольклора, народ сложил о нем много поговорок и пословиц: «Кумыс — кровь человека, а свежий воздух — его душа», «Кто кумыс пьет, тот здоров и до ста лет живет» и т. д.

Ученые исследовали киргизский кумыс и нашли его лечебным. Так же, как и пчелы, которые собирают душистый нектар цветов, кобылицы на горных пастбищах-джайлоо питаются сочными травами. И вот оказалось, что более двухсот видов растений, которые поедают лошади, являются лечебными.

Исследования также показали, что один литр кумыса содержит: 7,1 г белка, 19,2 г жира, 31,1 г молочного сахара, 7,9 г минеральных солей, 82,4 мл. г витамина С.

Оказалось, что литр напитка дает организму 536 больших калорий тепла. Кумыс способствует усвоению пищи. При употреблении кумыса в организме увеличивается запас гликогена.

Это, так сказать, кумыс с точки зрения ученых. И все-таки свойства кумыса еще до конца не изучены, потому что, как говорится, кумыс на кумыс не приходится: в различных районах горного киргизского края «свой» кумыс. Знатоки могут, например, по вкусу определить, из какой он местности: кумыс кочкорский отличается от сусамырского, а тот в свою очередь — от чаткальского и т. д. Говорят, что самый лучший — розовый кумыс — на высокогорных выпасах в районе озера Сон-Куль, но скотоводы, отгоняющие лошадей на Сусамырские альпийские луга, могут оспорить это утверждение и авторитетно заявить, что самый лучший кумыс — сусамырский.

Так это или иначе, сказать трудно. И вообще напиток не терпит, когда вокруг него ведутся долгие теоретические споры — он просто-напросто скисает. И именно по этой причине самая главная истина о кумысе в том, что для того, чтобы иметь о нем хотя бы приблизительное представление, кумыс надо просто попробовать самим. Пить надо кумыс — и все будет ясно!

■ НОЧНАЯ РАДУГА. Прочитав заголовок, читатель наверняка заподозрит автора в поэтическом преувеличении: ночь, собственно говоря, это отсутствие света, и, таким образом, ночь и радуга — понятия практически несовместимые. И все-таки ночная радуга существует на самом деле, это могут подтвердить люди, которым часто приходилось бывать высоко в горах. О таком человеке и пойдет речь.

Многие — и не только в Киргизии — знают художника Афанасия Шубина как первоклассного альпиниста. Этот человек необычайной выносливости побывал чуть ли не на всех высочайших пиках Союза, хотя для этого ему не надо было выезжать из Средней Азии: все белоголовые «небоскребы» — в прямом смысле этого слова — находятся в Тянь-Шане и на Памире. Он считает себя счастливейшим человеком, потому что умеет в силу своей профессии в какой-то степени передать людям хотя бы самую малую толику не доступной неальпинисту красоты, которая открывается, если подняться на крышу мира.

И в то же время Шубин считает себя самым несчастным человеком, потому что почти невозможно передать эту поднебесную красоту, потому что у нее «неземные» краски, совсем не «те» тени и полутени, не «та» композиция и не «тот» воздух. Может быть, в скором времени и неподготовленные люди сумеют, пользуясь завоеваниями техники, подняться за отметку 7000 метров и посмотреть на колдовскую игру красок и диковинную пляску светотеней.

А пока Шубин от одной работы к другой поднимается в эту страну... Он пишет и пишет, самозабвенно, яростно, мучительно, отставляя один холст, принимается за другой, возвращается к прежнему...

Видно, у каждого есть своя заветная «задумка», которую человек вынашивает, где мечтает «весь выложиться» и сделать все-таки свою главную «вещь». Может быть, и не главную, но свою. Непохожую...

Началось это несколько лет назад. Две группы альпинистов совершили пробное восхождение и поздно вечером спустились в лагерь.

Маршрут был не особенно трудным, ребята устали, но не так, чтобы лежать «в растяжку». Пока легонький дождик лениво барабанил по тенту палаток, ребята плотно поужинали. Кто-то

предложил сыграть в регби. Высота была сравнительно небольшой — где-то около трех с половиной тысяч, дождик незаметно перестал, и над лагерем зависла огромная, в три обхвата, луна. Воздух был настолько чист, а луна настолько яркой, что вполне можно было читать книжку с крупным шрифтом.

Ребята то и дело вытягивались во весь рост, поскользнувшись на мокрой траве, но игра шла так азартно, с таким энтузиазмом, что Шубин не выдержал и выбежал из палатки, прикидывая на ходу, какую команду поддерживать.

И вдруг застыл от изумления... При бледном свете громадной луны над лагерем висела фантастическая арка, нижней своей кромкой касаясь вершушек палаток.

Она была из ущелья, находящегося слева от лагеря, и широким рукавом падала в обрыв на противоположной стороне. Шубин не сразу понял, что это радуга — так неожиданно она выросла прямо перед ним. Он понимал, что пройдет всего несколько минут, и это сказочное видение исчезнет, и с профессиональной

жадностью старался запечатлеть его в своей памяти. Да, это была обычная радуга, только чуточку «тяжелее» дневной. И хотя луна была невероятно яркой, ее света все-таки не хватало, чтобы «забить» цвета радуги — в этой дивной арке трепетно дрожали сгущенные синие и красные цвета, а по краям ее полыхало золотистое сияние...

Ребята иногда попадали в этот диковинный сгусток света, задевая его головой... Потом радуга стала быстро сжиматься. У Шубина было такое ощущение, будто луна втягивает ее в себя. Последний шлейф радуги, как-то повиснув и быстро пожелтев, рассеялся прямо около луны.

И опять — одна луна.

Шубина кто-то толкнул в плечо:

— Видел радугу!?

Художник рассеянно оглянулся и заметил, что ребята, бросив мяч, тоже, задрав головы, смотрят на луну, чего-то еще ждут. Шубин поймал себя на мысли, что и он чего-то ждал...

Вот так и запала эта картина в его воображение. И не дает покоя. Каких он только ни подбирал красок, как ни смешивал их, как ни накладывал, а все не то, не та радуга.

Он менял технику — от масла переходил к акварели, от нее — к линогравюре. Нет, нет и нет! И сколько потом ни приходилось Афанасию Шубину бывать в горах, ночной радуги он больше не видел. Художник чуть ли не дежурил в том месте, где стоял тогда лагерь, и часто бывала такая же погода: лунища висела, проходили легкие дожди, все как будто было так же, как тогда...

Радуга не появлялась.

И Шубину уже начинало казаться, что не было ее вовсе, что это была галлюцинация. Он разыскал многих из тех ребят, с которыми он делал тогда пробное восхождение, расспрашивал у них подробности, которые он, может, просто не успел тогда запечатлеть.

Ребята честно морщили лбы, пытались помочь товарищу, но больше того, что «было что-то вроде радуги», сказать не могли. В заключение каждый из них хлопал Шубина по плечу ручищей и говорил ему, как ребенку:

— Слушай, Афоня, ты, видно засиделся. Тебе надо срочно в горы...

■ **СНЕЖНЫЙ БАРС.** Чекир Абдрахманов меньше всего похож на бывалого охотника-барсолова. Средкой бородкой, маленький, сухонький, как карандаш. На первый взгляд кажется, что стоит снежному барсу только чихнуть от раздражения — охотник, плотно зажав глаза, взлетит на воздух...

Наш проводник недоверчиво спросил:

— Ты, что ли, барса поймал?

Абдрахманов добродушно улыбнулся и ткнул себя в грудь пальцем...

— Здесь еще кошка-то?

— Бар, бар...

И с готовностью повел нас к овечьей загородке, крытой толстым слоем старой соломы... На свежем сене лежал крупный пятнистый зверь, привязанный через брюхо тонким стальным тросом к боковому столбу. Когда мы подошли, зверь молча поднял голову и смерил нас в упор властным, презрительным взглядом. Трос, который удерживал барса, показался вдруг слишком тонким... Абдрахманов же, водя пальцем чуть ли не у самой пасти зверя, показывал на пораненную капканом левую лапу, залитую теперь йодом:

— Чуть не ушел...

Мы тоже боялись, что «чуть» не успеем и пойманного барса увезут без нас. На Фрунзенской зообазе случайно узнали: «В Пржевальске барс сидит». А потом оказалось, что не в самом Пржевальске, а примерно в двухстах километрах от него — в местечке Джайылма урочища Сары-Джас, совсем неподалеку от могучего ледника Иныльчек и пика Хан-Тенгри. Одним словом, в самом сердце Тянь-Шаня. Добраться туда было нелегко — дорога шла то через завьюженный четырехтысячный перевал Чон-Ашу с его одиннадцатую головокружительными серпантинами, то по высокогорной долине реки Иныльчек, где почти никогда не выпадает снег: и при морозе в 40 градусов и летом при такой же жаре здесь все время вихрится едкая лессовая пыль... Киргизский Тянь-Шань. Места дикие, величественные. Немое царство архаров и их вечных спутников — снежных барсов. Единственное на земле место, где сохранились еще эти редчайшие млекопитающие — снежные барсы. Недаром на мировом аукционе в обмен за двух «кошек» дают слона! И все-таки назвать барса «млекопитающим» можно разве только в угоду научной терминологии...

...Чекир Абдрахманов дает нам только бегло познакомиться со своим узником, а потом по восточному обычаю приглашает в юрту. Мы сидим на кошке, пьем ароматный чай и, в нарушение обычая, тут же берем интервью — «все о барсе». Чекир неторопливо рассказывает:

— Поймал архара — выпьет кровь, мяса кушает мало. Никогда не возвращается к брошенной туше. Ему давай только свежее, чтоб еще теплую кровь сосать. А он это совсем легко может добыть — прыгает на двадцать метров, бегаёт быстрее самой резвой лошади. За добычей не гоняется — подкрадывается и прыгает, обязательно сверху вниз.

Запах человека барс не боится — он просто не знает его: там, где ходит барс, человек не бывает. Стреляй в него — не побежит. Только когда уйдет так, что не видит уже человека, — бежит. На человека первым почти не нападает, если только ранишь его, тогда набрасывается.

Чекир Абдрахманов явно не из тех охотников, которые никак не могут удержаться от того, чтобы не «приперчить» и не «присолить». Говорит он ровным, спокойным голосом. С нескрываемым уважением к Нему. Абдрахманов — чабан и охотник, поэтому горы он знает до последнего камня и до самой мелкой трещинки. Улары — горные индейки, кеклики — горные куропатки, зайцы — все это мелочь. Главное Он — повелитель заоблачных пиков и хребтов.

...Рано утром, наскоро попив чаю, охотник закутывается в теплый чапан, садится на коня и по одному ему известным тропинкам поднимается по скальной крутизне. Коня оставляет там, где тот уже не может идти. Дальше поднимается один — без всякого альпинистского снаряжения и кислородных приспособлений. Дальше начинаются барсьи тропы — легкие, размашистые... Только тот, кто еще с детства начинает постигать тайну следов на голом камне, только тот сможет прочесть их. И тут не так уж важно определить, свежие это следы или старые, важно другое — суметь рассчитать траекторию прыжка и с точностью до миллиметра определить точку приземления передних лап зверя, для того чтоб в этой точке выкопать ямку, установить в ней капкан, а сверху засыпать его той же самой щебенкой или землей — капкан на барса становится без всякой приманки, потому что для него существует только одна приманка: чуткий и осторожный архар.

Целый день надо потратить Чекиру Абдрахманову, чтобы добраться до места, где поставлен капкан. (Капканы он проверяет через 10—15 дней: ровно через такой промежуток времени идет — «лапа в лапу» — снежный барс по своему прежнему следу). Ночует охотник в том месте, где его застанет ночь.

...Этого барса Чекир Абдрахманов взял со своим братом Джуманом — уж больно крупный зверь попался. Еще издали они услышали разъяренный рев. Подошли, ружья держат наготове — на всякий случай. Капкан раздробил левую лапу — почти на одном сухожилии держится. Времени нельзя терять ни минуты. Чекир изловчился и набросил на голову зверя один мешок, потом второй. Слепленный барс замотал головой. Охотники воспользовались моментом и сделали «растяжку» — схватили зверя за хвост и потянули на себя. Момент опасный: сорвись капкан или вырвись из него зажатая лапа — зверь сперва потащит охотников

на подъем (бывали случаи, когда он и троих затаскивал!), а потом бросится на них...

Джуман держал барса за хвост, а маленький, сухонький Чекир связывал задние лапы... Два человека и громадная пятнистая кошка забарахтались в снегу. Наконец, задние лапы зверя связаны сыромятными ремнями, но барс сбросил с головы мешки, забил свободной лапой по снегу, норовя задеть охотников. В который раз набросил Чекир спасительную повязку на глаза зверя... Наступал самый ответственный момент: надо суметь ухватить барса за загривок и сунуть ему в пасть палку. Руки охотника не должны ошибаться. Они уже держат барса за «воротник», проталкивают палку между клыков, затягивают ее ремнями на затылке зверя, каким-то чудом надевают на страшную лапу брезентовую рукавицу и вяжут — один ременный узел за другим...

А потом затапливают связанного барса в мешок и долго спускаются вниз, где стоят лошади. В зимовье сажают его на буксирный трос, который выменяли у шоферов, и потом сидят на кошме и долго пьют чай, время от времени приговаривая: «Хара-шо-о!..»

Пока за пойманным барсом не приедут работники зообазы, к Чекиру Абдрахманову будут приходить бесчисленные гости, будут недоверчиво поглядывать на очень уж несолидную фигуру охотника, а он будет добродушно улыбаться и гостеприимно угощать дорогих гостей ароматным чаем.

— Будь здоров, Чекир-аке!

■ **В СТО РАЗ ДОРОЖЕ ЗОЛОТА...** Пожалуй, ни одна табличка не имеет столь «отталкивающего» смысла, как эта — «Осторожно — ядовитые змеи!!!» Прохожий, случайно оказавшийся на территории Фрунзенской зообазы, резво шарахнется в сторону и долго будет озираться опасливо...

Но дверь, огражденную такой страшной надписью, каждое утро бестрепетно открывают руки Лиды Машковой, Нины Складневой, Светы Чичикиной и Нэлли Бондаренко. Прежде чем войти, девушки вытирают ноги о влажный половичок и привычно натягивают спецовку. Для них наступил обычный рабочий день...

Обычный? Ядовитые хозяева комнаты томно полулежат в клетках-terrариумах... Кобра, эфа (с черным крестиком на

голове, напоминающим букву «э»), гадюка обыкновенная, гадюка степная, гюрза горная, гюрза степная... В террариумах под металлическими колпаками горят электрические лампочки — создают необходимый температурный комфорт ползучим хозяевам.

В комнате стоит острый запах влажной змеиной кожи, со всех сторон несется предостерегающее шипение, легкие удары по мелкой сетке ограждений. Это привыкают к необычным жилищным условиям новички — недавно отловленные змеи. Под ярким светом электроламп они чувствуют себя неуютно и поэтому ищут по углам щели, в которые можно заползти, спрятаться...

Ядовитая змея, вызывающая чуть ли не суеверный страх у человека! Да это и понятно — ее укус смертелен. Яд кобры, например, вызывает почти мгновенный паралич дыхательных путей, яд гюрзы приводит к молниеносному свертыванию крови. Но, пожалуй, самая страшная и мучительная смерть наступает после укуса эфы: мертвеет тело, кровоточат глаза, уши, десны, открываются старые раны и ранки...

И все-таки с древнейших времен змея служит эмблемой медицины — насколько яд смертелен, настолько и целителен. К сожалению, до сих пор свойства его по-настоящему еще не изучены, многие, может быть, самые фантастические тайны не открыты. Известно, например, что яд гюрзы — самое лучшее кровоостанавливающее средство, разбавленный в сотни раз, он, например, в такой же пропорции эффективнее существующих кровоостанавливающих лекарств.

Таких, пока еще не исследованных, свойств яда известно очень много, некоторые из них почерпнуты из практики ловцов ядовитых змей. Зоокомбинат имеет своих штатных ловцов, которые охотятся главным образом в Туркмении, Таджикистане и на юге Узбекистана (в Киргизии водятся только щитомордники и гадюки). Работа у ловцов опасная, они ходят, порой в одиночку, в пустыне, в горах... Есть среди них лихие ребята, которые, ска-

жем, ловят кобру с помощью одного белого платочка: помашет им у нее над головой, улучит момент — за шею и в мешок... Все это, однако, до поры до времени: не рассчитать может или промахнуться, а хватка у кобры бульдожья, яд она впрыскивает под большим давлением; зубы изнутри полые, каждый из них работает, как шприц (впрочем, как и у всех ядовитых змей).

...Однако продолжим наше путешествие по «змеиному царству». Есть там самая крайняя комната, посреди которой стоит большой, специально оборудованный стол. Это рабочее место Лиды Машковой и Нины Складневой — лаборанток-техников по извлечению яда, как их официально называют. Из всех извест-

ных и малоизвестных нам профессий эта — самая редкая, а точнее говоря, уникальная, потому что Фрунзенская зообазар располагает единственной в стране лабораторией, где собирается змеиный яд для фармацевтической промышленности.

...Сегодня в змеятнике — день сбора (яд берут раз в месяц). Пока лаборантки готовятся к работе, руководитель лаборатории показывает нам то, что находится в стеклянных шкафах. В небольшой герметически закрывающейся чашечке кристаллическое вещество янтарного цвета — яд гюрзы. Примерно пять граммов. Узнаем, что для получения этих граммов надо было обработать 400—500 змей... Да, да, 400—500 сильных, злобных тварей... И мы увидели, как это делается.

Специальным крючком змею цепляют и несут в операционную, там кладут на стол и мгновенно захватывают шею пинцетом. Голову слегка зажимают, массируют, и из открытой змеиной пасти в подставленную чашку брызжет яд. «Выдоенную» змею уносят обратно в террариум, потом тащат вторую, третью, десятую... С внутренним трепетом смотришь, как женские руки спокойными и точными движениями проделывают эти обычные для них и в то же время смертельно опасные манипуляции. Здесь нельзя ошибаться: это работа саперов, обезвреживающих мины, здесь главное — железные нервы, самообладание, мгновенная реакция и четкость движений.

Сказать, что здесь люди понимают друг друга с полуслова, будет неточно: за «полсловом» пройдет много времени, — надо уметь читать мысли партнера, мгновенно понимать друг друга — в десятые, может быть, сотые доли секунды, — чтобы предугадать реакцию рассвирепевшей пациентки и не допустить промаха — ведь на столе ядовитая змея...

Самых крупных змей «обрабатывают» мужчины: женщине трудно справиться, скажем, с полутораметровой гюрзой, которая может вырваться или стальным канатом обвить руку.

В литературе много писалось о всякой змеиной экзотике — о повадках ядовитых змей, о том, как они зорят птичьи гнезда, заглатывая птенцов, как проникают в норы сусликов и тоже заглатывают «суслият» и потом где-нибудь в укромном месте переваривают добычу, как лакомятся они жабами — своим излюбленным деликатесом... Много можно найти интересных легенд, рассказов из жизни ловцов змей. Но трудно где-нибудь отыскать

рассказ о работе людей в белых халатах, которые каждый день работают бок о бок с кобрами, эфами, гадюками, добывают самое драгоценное на земле вещество — яд.

Это не преувеличение.

По существующим расценкам один грамм яда стоит до 1400 рублей (разумеется, в новых деньгах), и если учесть, что скупочная цена золота колеблется где-то в пределах от трех до восьми рублей за грамм, то отсюда нетрудно сделать вывод о ценности этого сырья. И если золото ценится высоко из-за своей «труднодобываемости», из-за своей высокой себестоимости, то, исходя только из этих подсчетов, можно представить себе фантастически трудную и сложную работу добытчиков яда.

...Напряженный и утомительный процесс «доения» закончен, сырой яд помещают в хлористый кальций, который поглощает воду. Остаются кристаллики яда. Этот «сухой яд» бережно собирают — ему предстоит далекое воздушное путешествие на Таллинский или Красноярский заводы, в научные лаборатории и т. д.

Нам с гордостью показывают препараты «випросал», и «випраксин», которые уже изготовлены и утверждены Министерством здравоохранения СССР.

Эти препараты эффективно помогают при заболевании нервной системы, при мышечных болях и т. д. Это первые шаги на пути разгадки вековых тайн змеиногo яда. Первые!

И для того, чтобы в любой аптеке и в любом количестве могли появиться дешевые лекарства, исцеляющие людей от ревматизма и других излечимых и пока не излечимых болезней, несут свою нелегкую вахту эти люди в белых халатах. Люди с крепкими нервами и твердыми руками. Они работают за той дверью, на которой висит большая табличка: «Осторожно — ядовитые змеи!!!»

■ **ПРИРОЖДЕННЫЕ АЛЬПИНИСТЫ...** Там, где кончается асфальт, где теряются пути-дороги, лежит голубая, волшебная страна. Со своими песнями и обычаями, крутыми тропами и вертикальными ущельями. Эта страна издавна манит к себе людей, для которых путешествия стали если не второй жизнью, то во всяком случае вторым призванием.

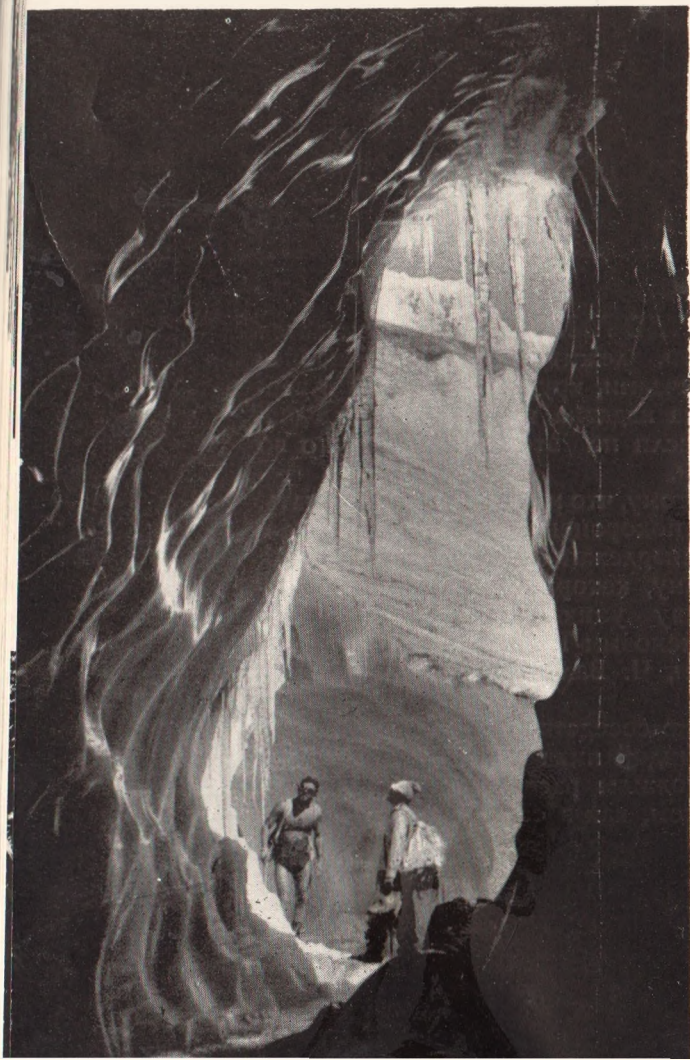
— А еще жизнь прекрасна потому, что можно путешествовать.

На берегу озера Иссык-Куль похоронен знаменитый землепроходец Пржевальский. Ему принадлежат эти слова... Пожалуй, трудно найти другую такую страну, которая могла бы соперничать с Киргизией по количеству уникальных «автографов», оставленных Пржевальским, Семеновым-Тянь-Шанским, Мушкетовым, Потаниным, Северцовым, Ч. Валихановым, Федченко, Юлиусом Фучиком и другими.

...В самом сердце Тянь-Шаня, по соседству с гигантской, закованной в лед трехгранной пирамидой пика Хан-Тенгри, лежит мощный ледник Иньльчек. Старожилы рассказывают услышанную от своих отцов историю о том, как в самом начале нашего

века в это царство архаров и снежных барсов отправилась экспедиция немецкого исследователя Мерцбахера с целью изучения и описания тогда еще неведомого ледника.

Путешественники замерли, увидев громадную ледяную чашу. В голубой воде плавали беломраморные льдины. Не только дно озера, но и его отвесные берега были закованы в тяжелые ледяные доспехи. Сквозь белый берег била упругая струя воды, вдребезги разбиваясь на остrokонечных торосах, отсюда вытекала ре-

ка, по руслу которой они только что поднялись... Выше началось нагромождение вертикальных гигантских торосов. Туда пробиться люди не смогли... Описав озеро (названное потом его именем), Мерцбахер авторитетно заявил, что для людей ледник абсолютно недоступен.

Если бы знал маститый исследователь, что этот ледник вдоль и поперек исходили охотники-барсоловы, и притом без всяких кислородных приспособлений и альпинистского снаряжения, он, конечно, не стал бы делать таких категорических заявлений. И вообще хочется сказать об одной любопытной детали — для охотников и чабанов вообще нет «белых пятен» в горах. Они, например, давным-давно поднимались и по-своему описали один из красивейших пиков — пик Конституции (5281 м). «Прямо перед ним — ровная ледяная площадка. На ней — очень высокий ледяной язык. Голубой. А по бокам — два красных гранитных столба... Однако редко там бывает ясно — чаще всего облака все застилают...»

Когда первые альпинисты штурмовали пик Хан-Тенгри, долгое время считавшийся неприступным, то никто тогда не предполагал, что где-то рядом находится еще более высокая и мощная

вершина. Потом пик этот был открыт и покорен — пик Победы (7439 м), первая вершина в Киргизии и вторая в Советском Союзе.

Киргизский республиканский Совет по туризму — единственный в стране, который «располагает» восьмью плановыми маршрутами, два из которых — высшей категории сложности. Кроме того, имеются еще семнадцать маршрутов полегче, которые рекомендуются самостоятельным туристам. Они идут вокруг озера Иссык-Куль, выются по суровому Северному Тянь-Шаню и по югу Киргизии — орехово-плодовым лесам, уникальным, единственным в мире по своей площади.

Мне опять вспоминается разговор, услышанный в Ала-Арче — альпинистском лагере, что неподалеку от Фрунзе.

...Горел костер. Небольшой, с низким пламенем. Обычный костер-рабятяга, на котором можно приготовить пищу и просушить одежду. Зажгли его опытные руки — вокруг костра сидели альпинисты. Старые «асы» и совсем еще зеленые, начинающие скалолазы. Разговор шел тихий и неторопливый — тот самый разговор, когда никого не тянет «выдать» что-нибудь сногсшибательное.

Я прислушался к тому, что рассказывал один старый альпинист своему соседу. Сидели они в сторонке, и слышался только голос — чуть удивленный.

— Понимаешь, взял я группу. Разрядников. Маршрут трудный: одним ребятам нужно было подтвердить разряды, другим — доказать. Ну, поднялись. Ребята, что из новичков, гордо так ноздрями шевелият, поглядывают вниз с видом победителей — поднялись, мол, в такие места, где не ступала нога человека! Потом вдруг слышу, будто овца блеет. Прислушались и ребята — с удивлением. Смотрим — спокойно, эдак неторопливо — чабан идет и несет на плечах овцу, больную, видать... Ребята мои, понятно, сразу скисли — лезли, лезли, думали, что забрались к богу под бороду, а тут овечек пасут...

А когда стали спускаться, совсем приуныли: прошли всего метров сто пятьдесят, смотрим — чуть ниже юрта стоит, а возле нее ребятишки с собакой возятся... Мои разрядники всю обратную дорогу молчали. Я тоже шел молча и думал о прирожденном альпинизме людей, живущих в горах.

Я им завидовал...

■ **САМЫЙ ДРЕВНИЙ НА ЗЕМЛЕ ЛЕС.** Человек слышал сказку, но не видел ее воочию. И все-таки сказку можно увидеть собственными глазами. Для этого надо побывать в орехово-плодовых лесах на юге Киргизии.

...Мы выехали из Джанги-Джола. Пологие склоны Чаткальских гор были покрыты желтым песком, на их остроконечных вершинах сверкал лед, а от предгорий растекался цветущий простор.

Началась ореховая роща. Каждое дерево было великаном, в тени которого могла бы укрыться верная сотня людей. Попадались отдельные экземпляры, корявый ствол которых, пожалуй, не обхватил бы и десяток рук...

Деревья-великаны и скалы. Причудливые нагромождения скал — одни из них напоминают сторожевые крепости, другие — стартовые площадки для звездолетов, скалы-монументы, скалы-памятники, а то и целые каменные городища с застывшими, окаменевшими жителями... И водопады, водопады... Большие и малые, они неустанно грохочут среди этого дикого великолепия.

Директор этих заповедных мест Владимир Денисович Замошников — человек знающий и увлеченный. Его пояснения могут на первый взгляд показаться слишком уж восторженными, но все дело в том, что Замошников просто констатирует факты:

— Нет на нашей планете второго такого леса, где бы были собраны в одном массиве груши, урюк, джида, вишня, грецкий орех, фисташка, персик, клубника, костяника, чухра, яблоки — даже трудно перечислить все. Короче говоря, наш Сары-Челек — сказочный ботанический сад, созданный самой природой...

Да, действительно, все здесь, как в сказке. Проехав Коджо-Ата, мы вооружились биноклями и долго следили за силуэтами у

подножия недалеких скал: то бродили олени. Вдали кто-то заиграл на трубе. Из леса вышли зубры и неторопливо побрели на зов. Потом на поляне промелькнула группа оленух с детенышами... Оказывается, это егеря сзывал зверей на обед. Медведи, те кормятся сами: в лесу видимо-невидимо падалицы — ореха, яблок, груш, фисташки. С одного квадратного метра можно собрать несколько ведер ягоды, но она стоит нетронутой, любимая пища мишек...

Горные козлы, элики, барсуки водятся здесь в изобилии. Чем выше мы поднимались в горы, тем непроходимей становилась чаща, тем ниже нависало небо, тем чаще встречались безбоязненные звери и птицы...

И, наконец, сказка в сказке — озеро Сары-Челек. Тишина, гладь изумительно прозрачной воды, в которой плывут опрокинутые облака. Озеро окружено горами, густо, непроходимо заросшими елями, рябиной, березой, карагачем, ягодниками. И все это тоже отражается в зеркале воды.

Дно озера представляет собой настоящий музей. Кажется, что из глубины растет фантастический лес. Затонувшие стволы скатившихся в озеро деревьев, причудливо преломляясь в воде, представляются фигурами сказочных существ. Глядя на них, вдруг

ловишь себя на мысли: а не вылезет ли ненароком на берег золотой дракон-ажыдаар или какое-нибудь другое чудовище... В одном месте затонувшие пни удивительно напоминают семейку медведей, которых мы видели по дороге. За «медведями» толпятся «волки» и «волы», «олени» и «верблюды»...

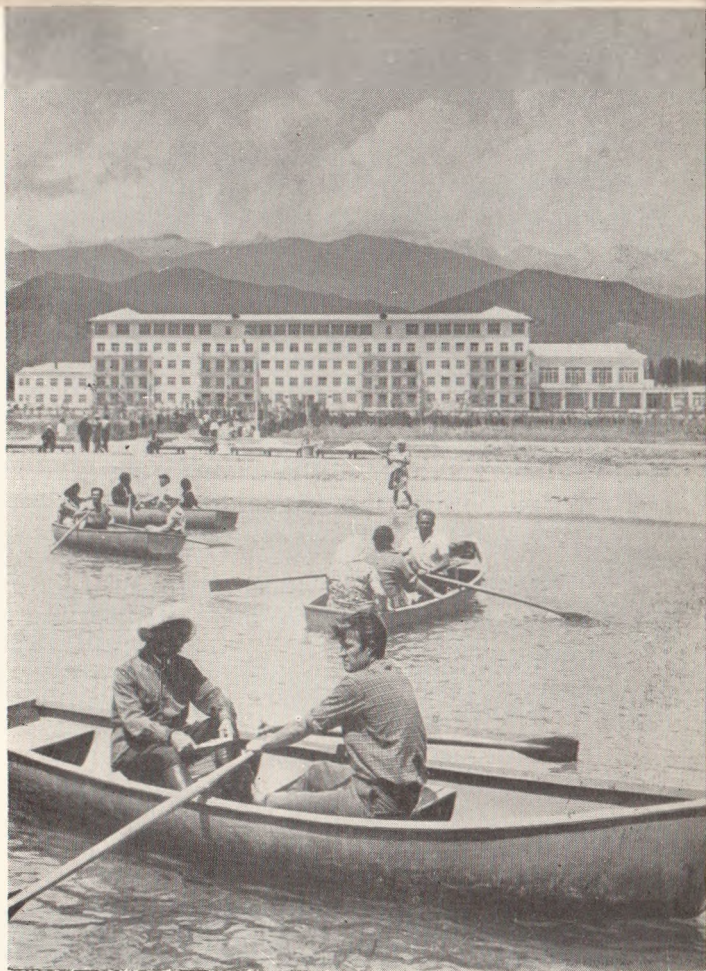
Думаю, что здесь «поймет» даже самого равнодушного человека, никак не склонного к фантазии, и уверен — незаметно для самого себя он примется сравнивать увиденное с воспоминаниями детства и начнет (взрослый человек!) сам для себя рассказывать сказки... Киргизия всегда ошеломляет своей дикой, первозданной красотой, но, пожалуй, озеро Сары-Челек вобрало в себя всю прелесть и своеобразие горного края. И отражает его, как в зеркале.

Эти места — заповедные, и надо сберечь, сохранить чудесную сказку для потомков. Хотя бы для того, чтобы самоуверенные и всезнающие дети второй половины двадцатого века, которые давно уже привыкли ничему не удивляться, благоговейно притихли бы на берегах этого озера, ощутив первозданную силу и красоту земли, на которой они сделали только лишь первые свои шаги. Для того, наконец, чтобы почувствовали себя детьми. Хотя бы на несколько минут. А это ни с чем не сравнимое блаженство.

■ ИГРАЮЩИЙ ВОЛШЕБНИК... Человек, выросший на берегу Иссык-Куля и живущий там безвыездно, наверняка убежден в том, что равнодушных людей не бывает. Он повидал приезжающих сюда бухгалтеров, шоферов, врачей, токарей, математиков, астрономов, ткачих и поваров, людей скучных и веселых, замкнутых и компанейских... И не проходило двух-трех дней, как все эти совершенно разные лица как-то «стирались», становясь похожими — мечтательно разомлевшими, с несходящей блуждающей улыбкой...

Их «шлифовал» Иссык-Куль — сказка-озеро, песня-озеро. Чудо-озеро. Уезжали математики и астрономы, бухгалтера и ткачихи, повара и врачи, шоферы и токари, лирики и физики. Увозили с собой сказку, песню, веру в чудеса.

Их одарил Иссык-Куль.

Недавно мне попалась в руки небольшая «академическая» книжка, где полностью была напечатана взволнованная поэма-баллада «Иссык-Куль», принадлежащая перу... выдающегося ученого-врача академика В. П. Филатова:

...Ты говоришь: в моей пучине
Храню всегда мечту одну,
Чтоб небеса с улыбкой синей
В мою взглянули глубину...

Свою поэму Филатов посвятил И. А. Орбели, основоположнику отечественной подводной археологии. И это не случайно. Иссык-Куль овеян древними поэтическими легендами, одну из которых положил в основу своей поэмы академик Филатов. Легенды эти имеют под собой фактическую почву, а она находится на глубоком дне озера. Если в легендах все «просто и ясно», то ученые археологи до сих пор не могут прийти к общему мнению, что за город находится на дне озера? И как произошло это затопление — то ли в результате гигантской катастрофы, то ли волны озера, медленно наступая на берег, поглотили город, до последнего камня разрушенный каким-нибудь восточным завоевателем.

Когда знакомишься с исследованиями ученых истории самого озера, то невольно приходишь к выводу, что строго научные предположения бывают порой более захватывающими воображение, чем самые поэтические легенды. Более полумиллиона лет назад склоны гор, окружающие озеро, были закованы льдами, по ущельям спускались огромные долинные ледники. В то время по равнинам Прииссыккуля бродили ушастые степные слоны, у них были почти такие же бивни, как и у мамонтов. В долинах рек обитали носороги и длинноногие бизоны...

Однако не будем задерживаться на «преданьях старины глубокой». Для того, чтоб закончить наш короткий взгляд в предысторию, приведем отрывок из записей Семенова-Тян-Шанского, относящийся к поре не такой уж далекой.

...В середине июня 1857 года отряд П. П. Семенова-Тянь-Шанского сделал привал в том месте, где сейчас расположен санаторий «Голубой Иссык-Куль». Об этом сохранилась запись в дневнике путешественника.

«Огромные сазаны блистали на солнце своими красивыми чешуями и плескались в большом количестве на самой поверхности воды, путаясь в густых зарослях водных растений... Никаких приспособлений для лова рыбы у нас с собой не было, но казаки, входя в воду, захватили с собой шашки (сабли) и, обнажив их наголо, стали ими рубить запутавшуюся в водорослях и плескавшуюся на поверхности воды рыбу. Этот импровизированный способ ловли дал нам часа в два до 11 пудов рыбы...»

...Отрывок этот приведен не экзотики ради — в ней Иссык-Куль как раз не нуждается. Колдовское обаяние озера таково, что перед ним «беззащитен» любой, даже, как говорится, выдавший виды человек. Великий русский путешественник Пржеваль-

ский, обошедший полмира, просил в своем завещании похоронить его на берегу горячо любимого им озера. Его могила стоит на высоком обрыве, с которого открывается величественная панорама вечно «играющего» Иссык-Куля...

Что ж, пожалуй, можно согласиться со старожилом-иссык-кульцем в том, что равнодушных людей не бывает, во всяком случае, если они побывали на Иссык-Куле...

«Иссык-Куль» в переводе с киргизского означает «теплое озеро». Вода в нем редко когда замерзает, да и то у берегов. Но были у озера и другие названия. «Туз-Куль» — Соленое озеро: вода содержит соли натрия, калия, кальция, магния, кремния, хлора, железа и радона — вода озера целебна. К сожалению, полнотой ее целебность еще не изучена. С монголами связано еще одно название озера — Тимур-ту-Нор, что значит содержащее железо. На берегах озера встречались отложения магнитно-железного песка, и слой таких насыпей нередко доходил до метра. Но есть еще одно поэтическое название озера — Джит-Куль, что значит Душистое озеро. Это старое киргизское имя озера идет от того, что некогда Иссык-Кульская котловина была цветущим садом.

Сейчас люди занимаются восстановлением этого сада, хотя то, что уже имеется, может смело именоваться Джит-Кулем.

Иссык-Куль! По глубокому убеждению Семенова-Тян-Шанского это озеро, поразившее его колдовской игрой красок, более грандиозно и прекрасно, чем Женевское в Швейцарии. Оно напоминает драгоценный аквамарин в серебряной оправе заснеженных хребтов. С юга озеро окаймляет Терской Ала-Тоо («Обращенный от солнца»), с севера — Кунгей Ала-Тоо («Обращенный к солнцу»). Озеро расположено на высоте 1609 метров и занимает площадь 6332 кв. км. По своей глубине (702 м) Иссык-Куль уступает в Евразии лишь Байкалу и Каспию, воды в нем в два раза больше, чем в Аральском море, хотя поверхность в 10 раз меньше.

Озеро Иссык-Куль и его котловина — благодатное место для строительства курортов, санаториев, домов отдыха, пионерских и туристических лагерей и т. д. В горах Терской Ала-Тоо много горячих минеральных источников, они расположены в ущельях Джужука, Чон Кызыл-Су, Джеты-Огуз, Алтын-Арашан, Ак-Су, Боз-Учук и т. д.

Любопытно то, что этими многочисленными горячими источниками, разбросанными в горных щелях, люди пользовались издавна. Особая слава с незапамятных времен идет об Алтын-Арашане. Одна из легенд повествует, например, о том, что в Алтын-Арашане свирепый завоеватель Тимур на какое-то время излечил свою хромую ногу...

Однако вернемся к Иссык-Кулю. Трудно, почти невозможно быть спокойным, тем более равнодушным, видя это озеро. Вот вы лежите, например, на пляже, нежитесь под солнышком. Потом замечаете краем глаза, как наползает на ближние горы синяя тучка. Она медленно проплывает, скрываясь за дальними высокими пиками, а там, где она прошла, осталась на горах белая полоса свежевывавшего снега. Это вы можете наблюдать так, краешком глаза, лежа на залитом солнцем пляже...

А потом вдруг за несколько минут будто кто раскинет над озером светло-серое покрывало. Загудит ветер, а с какой стороны — непонятно: только что он гнал мелкий песок прямо на вас, а теперь — в обратную сторону. Пока вы будете думать и гадать, на середине озера вскинется вверх огромный столб воды с развевающимися шлейфом.

Это столкнулись лоб в лоб два ветра — «улан», который вырвался из Боомского ущелья, и «санташ» — с противоположной, восточной, стороны озера. Всколыхнется, заходит озеро, и тут зазевайся только... Недаром суда на Иссык-Куле имеют морскую «посадку». Невольно приходят на память легенды, повествующие о том, что в давние времена поднялась на озере гигантская волна, и в мгновение ока богатый город на берегу ушел в пучину...

А обычно Иссык-Куль тих и безмятежен. Играет сам с собой, нашептывает себе что-то и нет-нет да и выплеснет из себя радугу. Постоит она, а потом вдруг сразу рассыплется, и затанцуют по волнам диковинные краски, то расходясь широким веером, то «складываясь» в узкую лучевую полоску через все озеро. Смахнет волной этот лучик-полоску, упадет он на дно и, словно растворившись там, начнет медленно подниматься наверх. И сразу будто осветится озеро изнутри, заиграет всеми мыслимыми красками — и синей, и розовой, и лазоревой, и зеленой — человек бесценен передать эту натуру. И вдруг словно щелкнет какой-то выключатель и все погаснет, уйдет на дно... И снова безмятежно

играет Иссык-Куль, нашептывает сам себе песни-рассказы и осторожно гладит гальку на влажной береговой кромке...

Если встретишь где-нибудь возле прокопченной палатки густо обросшего «дикаря», он непременно вытащит из рюкзака нетяжелый кусок тонкого кирпича и скажет важно: «Это из самого «того» города, что там, на дне». И обязательно добавит, не моргнув ни одним глазом: «Сам достал. Нырять, правда, трудно — глубоко, воздуху не хватает. Еле добрался...» А этими самыми кирпичами прииссыккульские хозяйки выкладывают под печи, кирпич хоть и пролежал в воде «тыщи» лет, а на диво крепок, прямо-таки огнеупорен!

Не сморгнешь тоже глазом, слушаешь. А «дикарь» заливается: «Знаешь такую рыбу — османа и маринку? Редкая, только здесь водится. Вчера на дождевого червя взял. Еле вытащил. Такую уху организовали...» Верно, только здесь и водится, нигде больше, только вот насчет ухи... Ну, да ладно. «Да, а знаешь, какая тут форель? Килограммов на двадцать. Еле поднимаешь. Не веришь? Вчера один рыбак продавал...» И тоже, наверняка, уха была. Что крупная форель, то верно. Из Севана было привезено на Иссык-Куль несколько сот тысяч икринок севанской форели. Хорошо прижилась форель, лучше, чем на родине. Если на Севане крупные экземпляры достигают четырех килограммов, то здесь — до двенадцати, четырнадцати! Славный народ «дикари»! Вездесущий, все выносящий и жадный, невероятно жадный до сенсационных «штучек». Если бы попались ему на глаза записи Семенова-Тян-Шанского о том, как казаки сазанов рубили, наверняка услышал бы: «Вот позавчера столько сазанов наловили! Еле...»

Кстати, еще чуть-чуть о «дикарях». Приезжают почти одни и те же и палатки ставят на «своих» местах. Вот тут и приходит в голову мысль: помалкивают об Иссык-Куле эти славные ребята, потому что боятся, как бы и эти места не вытоптали, как скажем, вытоптали Крым и Черноморье. Не знаю, может, с их точки зрения я поступаю нечестно, когда пишу об Иссык-Куле и таким образом рассекречиваю их заветные места. Но так хочется, чтобы люди, чья нога еще не ступала на золотой иссык-кульский берег, увидели это чудо.

Кстати, золотые — это не преувеличение. На десятки километров, особенно по южному берегу, тянутся чудесные, идеаль-

ные пляжи из красного, золотистого, рыжего гравия и песка, будто просеянных на гигантском грохоте.

Этой ранней весной мне приходилось проезжать по южному берегу озера. Иногда вода подходила прямо к кромке асфальта. Было видно великое множество дикой перелетной птицы, зимующей на озере (или, как поется, «в жарких странах»). Лебеди белые и черные, гуси, утки... Иссык-Куль легко раскачивал их на своей бирюзовой волне. Они ныряли, плескались, разбрызгивая широкими крыльями летучие капли воды. Солнце закатывалось за горы, отбрасывая на землю коричневый отблеск. Из Иссык-Куля выходили розовые кони (солнце освещало их мощным прожектором), кто-то рядом свистнул, ухарски гикнул, и кони, взбивая коричневую пыль, легко умчались за прибрежные холмы, напоминающие лунный ландшафт — они были белесые, со следами работы воды и ветра и совершенно безжизненные, к тому же на них падала густая коричневая тень.

...А вообще-то, честно говоря, лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать. Есть такая восточная поговорка. В применении к Иссык-Кулю она как нельзя кстати...

...За последние несколько лет только в изданиях АПН (Агентства Печати Новости) в социалистических и капиталистических странах вышли сотни иллюстрированных материалов о Киргизской ССР.

С материалами о жизни киргизского края знакомятся читатели Польши, Франции, ГДР, Венгрии, США, Канады, ОАЭ, Югославии, Вьетнама, стран Латинской Америки, Японии, Индонезии, ФРГ, Англии, Бирмы, Индии и десятков других стран.

Из различных стран мира поступают заявки на те или иные материалы о Киргизии. Так, например, американское агентство Ассошиейтед Пресс заказывало материал о жизни чабанов, крупнейший французский журнал «Пари Матч» сделал заказ на фотоочерк об охоте с беркутом и т. д.

...Посмотрите на этот фотоснимок — на нем разноязыкие журналы и газеты со всех концов земли. И в каждом из них — материалы о Киргизии. Их читают на разных параллелях и меридианах, читают люди белой, черной, желтой кожи, читают в развитых странах и в странах, только что обретших свободу, — по всему миру прошел слух о Киргизии.

И конечно же, всего, что написано о Киргизии, мало, очень мало! И мы будем рады, если эта книга дала вам хотя бы первое представление о Киргизии, пробудила интерес к чудесному горному краю. Мы надеемся, что вы еще посетите нашу республику и узнаете ее полнее.

До скорой встречи!

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Фрунзе — зеленый лист	3
Киргизский рапсод	11
Автограф космонавта	15
Повесть о старшем брате	18
Делегатка Тянь-Шаня	23
Ты помнишь, товарищ	25
Маленький герой нашего века	30
Оседланный Нарын	34
Парень с Памира	42
Знакомьтесь, Прокофьев	49
Сказание о золотом руне	56
Трижды героиня	62
Летающие отары	65
Луна и телевизор	68
Крылатый Гомер	72
Белая шапка певца	77
Чабан-поэт	82
Лотос — цветок мудрости	83
Сказка старого рога	88
Родство	91
Ласточкино гнездо	95
Золотой фонд	98
Внук Токтогула	100
Четыре времени года	102
В трех шагах от ледника	105
Охота с беркутом	110
Кумыс	113
Ночная радуга	116
Снежный барс	119
В сто раз дороже золота	124
Прирожденные альпинисты	129
Самый древний на земле лес	133
Играющий волшебник	136

Муса ДЖАНГАЗИЕВ,
Александр Иванович ДЕРГАЧЕВ,
Эдгар Лукьянович ВИЛЬЧИНСКИЙ

КИРГИЗСКОЕ ОЖЕРЕЛЬЕ

Редактор В. П. Горячих
Художник И. А. Ефимов
Худож. редактор А. С. Осташев
Техн. редактор П. Орел
Корректор Т. П. Анипко

Сдано в набор 3/VIII-1966 г. Подпи-
сано к печати 12.X-1966 г. Д — 06321
Бумага мелованная $70 \times 90^{1/16}$, 9,25
физич. печ. л., 10,82 условн. печ. л.,
9,05 учет.-изд. л. Тираж 7000
Заказ № 1897 Цена 1 р.

г. Фрунзе, Респ. тип. № 1 Комитета
по печати

К ЧИТАТЕЛЯМ

Ваши отзывы и пожелания об этой книге
просим направлять по адресу:

✓ г. Фрунзе Киргизской ССР,
ул. Боконбаева, 99,
издательство «Кыргызстан».